

СИЛА И СЛАБОСТЬ ПАКИСТАНА

Владимир Москаленко

Петр Топычканов

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Московский
Центр
Карнеги

**СИЛА
И СЛАБОСТЬ
ПАКИСТАНА**

**Владимир Москаленко
Петр Топычканов**

Москва
2013

УДК 327
ББК 66.4 (0)
М82

Strengths and Weaknesses of Pakistan.

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/publications>.

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги, при поддержке благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York.

В книге отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Распространяется бесплатно.

Москаленко, В.

М82   Сила и слабость Пакистана / Владимир Москаленко, Петр Топычканов ; Моск. Центр Карнеги. — М., 2013. — 75 с.

ISBN 978-5-906568-01-4

В работе предложен ретроспективный взгляд на стоящие перед Пакистаном внутренние и внешние вызовы. Анализируя общественно-политические процессы в Пакистане, авторы уделяют особое внимание роли религии и армии в жизни страны. Подробно рассматриваются выборы 2013 г. В сфере внешней политики исследуются отношения Пакистана с Афганистаном, Индией, Китаем, Россией, США и с международными организациями.

Данная работа предназначена для специалистов по истории и политике Пакистана и других стран Южной Азии, а также для широкого круга читателей.

УДК 327
ББК 64.4 (0)

7	РЕЗЮМЕ
—	
9	ОБ АВТОРАХ
—	
11	БЛАГОДАРНОСТЬ
—	
13	ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ
—	
15	ВВЕДЕНИЕ
—	
19	ТРУДНОСТИ ВНУТРЕННЕГО РАЗВИТИЯ ПАКИСТАНА
—	
19	Социально-экономические особенности
—	
21	Политическое своеобразие
—	
22	Место ислама в политическом развитии Пакистана
—	
27	Парламентские выборы 2013 г.: ожидания и результаты
—	
33	ПАКИСТАН В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ
—	
33	Краткий обзор внешней политики Исламабада
—	
35	Взаимоотношения Пакистана и Афганистана
—	
35	Пуштунский вопрос
—	
38	Пакистан и афганские талибы
—	
41	Исламабад и Кабул как члены антитеррористической коалиции
—	

45	Влияние афганской проблемы на безопасность в Пакистане
50	РОССИЯ И ПАКИСТАН
50	Нерюнгри — Харотабад: трансграничные угрозы безопасности
52	Место Пакистана в южноазиатской политике России
55	Возможности и трудности российско-пакистанских отношений
59	От диалога к сотрудничеству в области мирного атома
64	ЗАКЛЮЧЕНИЕ
67	ПРИМЕЧАНИЯ
75	МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Анализ политической и социально-экономической ситуации в Пакистане позволяет не согласиться многими катастрофическими сценариями, которые обсуждаются в последние годы: ни развал государства, ни захват власти радикалами, ни очередной военный переворот не представляются реальной перспективой для этой страны. При этом не исключено, что Пакистан ждут политические и экономические кризисы, природные катаклизмы, высокая террористическая активность, межобщинные конфликты, временная утеря контроля над отдельными районами, конфликты с Индией и Афганистаном и другие эксцессы внутреннего и внешнего происхождения.

Внутриполитическую ситуацию в Пакистане характеризуют следующие особенности:

- несмотря на политические и экономические кризисы, политическая система страны впервые в ее истории выстояла в течение полного избирательного цикла;
- правительство, сформированное на коалиционной основе, имеет дело с сильной оппозицией, что затрудняет реализацию планов социально-экономического развития;
- вооруженные силы Пакистана демонстрируют нежелание снова брать власть в свои руки, хотя они готовы оказывать помощь политическому руководству.

Своеобразие пакистано-афганских отношений проявляется в противоречивых тенденциях:

- Пакистан заинтересован в снижении террористической угрозы, нормализации ситуации в приграничных с Афганистаном районах и возвращении беженцев в эту страну;
- интересы Пакистана, связанные с пуштунским вопросом, и опасения, вызываемые афгано-индийскими связями, обуславливают противоречивость его политики в Афганистане.

Афганская проблема обеспечивает долгосрочное сближение России и Пакистана. К другим подобным проблемам относятся терроризм, организованная преступность, наркотики, ядерная безопасность и нераспространение.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Для сбалансированного и стабильного развития отношений России с Пакистаном представляются важными следующие предложения:

- От декларирования отдельных подходов к странам Южной Азии желательно перейти к выработке комплексной концепции российской политики в этом регионе, частью которой станет политика на пакистанском направлении.
- Необходимо поддерживать интенсивный диалог между гражданскими, военными и экономическими институтами России и Пакистана по проблемам двусторонних и многосторонних отношений (в частности, полезным было бы установление практики регулярного обмена визитами между высшими лицами двух государств).
- Для этого диалога надо активно использовать площадки региональных организаций и инициатив включая Шанхайскую организацию сотрудничества, «душанбинскую четверку», возможно, Ассоциацию регионального сотрудничества Южной Азии и др.
- Российская поддержка усилий Пакистана по борьбе с вызовами в области безопасности на его территории может носить как политический, так и экономический, а также военно-технический характер (с учетом озабоченностей Индии).
- Полезно активизировать информационную политику в Пакистане включая оперативное извещение аудитории в этой стране о позициях и планах России в регионе.
- Налаживание постоянного неформального или полужформального диалога между представителями России и Пакистана окажет положительное влияние на повышение транспарентности и укрепление доверия на двустороннем и многостороннем уровнях.

Владимир Москаленко — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук (РАН), профессор кафедры политологии стран Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Петр Топычканов — кандидат исторических наук, сотрудник программы «Проблемы нераспространения» Московского Центра Карнеги, старший научный сотрудник Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Мы выражаем благодарность Фонду Джона Д. и Кэтрин Макартуров, Фонду Старр и Корпорации Карнеги Нью-Йорка за их поддержку программы «Внешняя политика и безопасность», в рамках которой выполнена настоящая работа.

Выражаем глубокую признательность руководству, научным и техническим сотрудникам Фонда Карнеги за Международный Мир и Московского Центра Карнеги за их интеллектуальный вклад и организационно-техническую помощь при работе над докладом.

Мы особенно благодарны всем сотрудникам научно-исследовательских организаций, государственных ведомств, общественных центров, средств массовой информации России, Пакистана и других стран, которые откровенно делились с нами своими мыслями по теме исследования.

Настоящая работа, осуществленная под эгидой Московского Центра Карнеги, выражает точку зрения только авторов работы. Мы несем полную ответственность за ее содержание.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АНП	— «Авами Нэшнл Парти» (Народная национальная партия)
АСЕАН	— Ассоциация стран Юго-Восточной Азии
БЛА	— беспилотный летательный аппарат
ГЭС	— гидроэлектростанция
ГЯП	— Группа ядерных поставщиков
ДИ	— «Джамаат-и Ислами» («Исламское общество»)
ДМ	— «Джаиш-и Мухаммад» («Армия Мухаммада»)
ДНЯО	— Договор о нераспространении ядерного оружия
ДУИ	— «Джамаат ул-Улама-и Ислам» («Общество мусульманских богословов»)
ДУИ(Ф)	— «Джамаат ул-Улама-и Ислам Фазл» («Общество мусульманских богословов (Фазл)»)
ИКП	— Избирательная комиссия Пакистана
ЛД	— «Лашкар-е Джангви» («Армия Джангви»)
ЛТ	— «Лашкар-и Тойба» («Ополчение чистых»)
МКМ	— «Муттахида Кауми Мувмент» (Объединенное национальное движение)
НАТО	— Организация Североатлантического договора
ОАЭ	— Объединенные Арабские Эмираты
ОДКБ	— Организация Договора о коллективной безопасности
ОИС	— Организация исламского сотрудничества
ООН	— Организация Объединенных Наций
ПМЛ(Н)	— Пакистанская мусульманская лига (Наваз Шариф)
ПМЛ(Ф)	— Пакистанская мусульманская лига (Функциональная)
ПНП	— Пакистанская народная партия
ПТИ	— «Пакистан Техрик-е Инсаф» (Пакистанское движение за справедливость)
СААРК	— Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии

СМИ	— средства массовой информации
СНГ	— Содружество Независимых Государств
СС	— «Сипах-и Сахаба» («Армия соратников Пророка»)
ТНФД	— «Техрик Нифаз-е Фикх Джафария» (Движение за осуществление Джафарийского Фикха)
ТПФУ	— Территория племен федерального управления
ТТП	— «Техрик-и Талибан Пакистан» (Движение талибов Пакистана)
ШОС	— Шанхайская организация сотрудничества

В последние десятилетия Пакистан приковывает к себе пристальное внимание мирового сообщества. Нестабильная политическая и экономическая система, острые проблемы безопасности, прошлые нарушения режима ядерного нераспространения, сложные отношения с соседними государствами — все это характеризует современное состояние страны.

Пакистан не является такой крупной региональной державой, как Индия, не обладает такими богатыми энергоресурсами, как Иран. Его «природное богатство» — выгодное геостратегическое положение, которое обеспечивает ему роль соединительного звена между регионами Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии. Но чтобы сделать это необходимое условие превращения Пакистана в важный центр сотрудничества и развития региона достаточным, требуется создание развитой инфраструктуры. Решение такой масштабной задачи требует много времени и больших усилий.

Кроме того, крайне важно, чтобы Пакистан полноценно участвовал в укреплении безопасности в регионе и борьбе с терроризмом и экстремизмом. В этой области успехи Пакистана сочетаются с неудачами, а ввиду геостратегического положения и успехи, и неудачи страны в борьбе с вызовами безопасности отражаются на ситуации в регионе и мире.

Пристальное внимание к Пакистану зачастую не приводит к формированию у стороннего наблюдателя адекватного представления об этой стране. На основе информации из СМИ можно прийти к мысли, что Пакистан не способен самостоятельно решать масштабные задачи социально-экономического развития и бороться с вызовами безопасности, что это несостоявшееся государство.

Близкое знакомство с историей, культурой, политикой и жизнью Пакистана позволяет согласиться с Анатолем Ливеном, считающим «глупостью изображать Пакистан несостоявшимся государством»¹. Вредность этой «глупости» очевидна. Она мешает понять политические процессы в Пакистане, поскольку упомянутый наблюдатель, не находя

привычных признаков работы политических институтов, склонен считать всю общественно-политическую систему неэффективной. Вместо этого следовало бы попытаться понять особенности разнообразных властных отношений, пронизывающих пакистанское общество. Такое изучение помогло бы увидеть, почему Пакистан выжил как государство, хотя сомнения в его жизнеспособности высказывались на протяжении всего его существования², и, соответственно, — в чем залог его дальнейшего развития.

Имеет ли особую ценность для изучения Пакистана взгляд из Москвы? С одной стороны, нет, поскольку более важную роль играет не то, откуда исследователь смотрит на объект анализа, а то, насколько близко он может его рассмотреть. С другой стороны, такой взгляд, несомненно, имеет ценность, поскольку он основывается на:

- отечественной школе пакистановедения, существующей более полувека³;
- непрестом опыте СССР/России как в отношениях с Пакистаном, так и в решении проблем, схожих с пакистанскими;
- региональных интересах России, которые в последние годы составляют ее активнее развивать связи с Пакистаном.

Сочетание этих причин определяет своеобразие взгляда из Москвы. В то время как многие исследователи и в Пакистане, и на Западе делают акцент на том, что внутренние проблемы и внешние потрясения поставили под угрозу будущее страны, Вячеслав Белокреницкий и Владимир Москаленко, авторы книги «История Пакистана. XX век», английский перевод которой был опубликован в 2013 г.⁴, отмечают «историю успеха» этого государства⁵. Ведь Пакистан сохранил государственность и суверенитет, несмотря на природные катаклизмы, войны, в одной из которых была потеряна половина территории, политические и экономические кризисы.

В настоящей работе предлагается посмотреть на стоящие перед Пакистаном вызовы через призму истории, чтобы увидеть его слабые и сильные стороны. Перспективы развития страны рассматриваются на основе анализа общественно-политических процессов. Особое внимание уделяется пакистано-афганским отношениям.

В исследовании нет глав, специально посвященных двум взаимосвязанным темам, которые часто упоминаются в связи с Пакистаном: пакистано-индийским конфликтам и безопасности ядерного арсенала страны. Это сделано сознательно. Несомненно, данные темы сохраняют актуальность для Пакистана. Становление и эволюция этого государства происходили в условиях противостояния с Индией, которая с самого начала воспринималась как «враг номер один»⁶. Угроза со стороны Индии, всегда превосходившей Пакистан по количеству военнослужа-

щих и вооружений, стала главным стимулом развития Вооруженных сил Пакистана. Вооруженные конфликты различного масштаба с Индией произошли в 1947—1948 гг., дважды в 1965 г., в 1971 и 1999 гг.⁷ При нерешенном индийско-пакистанском споре вокруг статуса Кашмира⁸ такие конфликты вероятны и в будущем.

Противостояние с Индией — один из важных факторов высокой роли Вооруженных сил в общественно-политической жизни Пакистана. Оно же определило необходимость создания ядерных сил, на которое пошло руководство Пакистана после осуществления Индией «мирного взрыва» ядерного устройства в 1974 г. В 1998 г. оба государства провели испытания ядерного оружия. Пакистану удалось добиться относительного паритета в стратегических силах по количеству оружейных материалов и средств доставки⁹.

Этим темам всегда придавалось большое значение, поэтому другие вопросы часто оставались без должного внимания. Однако события начала XXI в. продемонстрировали, что угрозы внутреннего характера представляют для Пакистана не менее серьезную опасность, чем индийский фактор. Обострение этих угроз, как показано в настоящей работе, происходит под влиянием развития ситуации в Афганистане, будущее которого пока представляется туманным. Именно поэтому в исследовании сделан акцент на внутренних общественно-политических процессах и пакистано-афганских отношениях.

Завершается работа анализом российско-пакистанских связей, поскольку их укрепление представляется нам одним из важных инструментов экономического развития и укрепления безопасности в регионах Южной Азии, Центральной Азии и Ближнего Востока.

СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ

В состав образованного в 1947 г. Пакистана вошли самые неразвитые районы бывшей Британской Индии. В новом государстве практически отсутствовала промышленность. Сельское хозяйство с его отсталой технической базой и полуфеодальными порядками было не в состоянии обеспечить население продовольствием. Недостаток природных ресурсов, особенно энергетических, ограничивал возможности роста экономики, вынуждал тратить и без того скромные финансовые средства на импорт энергоресурсов, промышленных товаров, продуктов широкого потребления и питания. В экономике были сильны позиции иностранного капитала.

В стране практически отсутствовал средний класс. Крупная буржуазия, по преимуществу торгово-ростовщического происхождения, генетически не связанная с основными этносами Пакистана, не была заинтересована в развитии национального производства. Напряженность в отношениях с соседними странами вела к огромным военным расходам.

Таким образом, стартовая площадка, с которой началось экономическое развитие нового государства, не была благоприятной. К перечисленным трудностям нужно добавить зависимость народного хозяйства от погодных условий, которые отличаются частыми масштабными и разрушительными стихийными бедствиями.

И все же, несмотря на все эти препятствия, Пакистану удалось добиться довольно существенных позитивных результатов. Из отсталой аграрной страна превратилась в аграрно-индустриальную, достаточно современную по уровню техники и технологии. Доля сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте существенно уменьшилась: 22% в 2011 г. против, например, 30% в 1980 г.¹⁰

Городское население значительно выросло: с 17,8% в 1951 г. до 36% в 2011 г.¹¹ Помимо новых возможностей и вызовов в социально-эко-

номической области это означает серьезные вызовы в области политики и безопасности. В тех населенных пунктах, где раньше местная джирга (совет) могла быстро разрешить конфликт внутри соседской общины, теперь такие инструменты становятся малоэффективны. Община разрослась и размылась до такой степени, что часть жителей данного населенного пункта больше не признает беспрекословный авторитет членов джирги. А полицейские силы не способны эффективно реагировать на все конфликтные ситуации из-за недостаточной обеспеченности ресурсами включая бронжилеты, оружие, транспорт и т. д., непропорциональной численности, а также проблем, связанных с коррупцией. Например, в Карачи, крупнейшем городе Пакистана, на 25 млн жителей приходится 36 тыс. полицейских. Это позволяет некоторым горожанам говорить, что «в Карачи государство умерло»: в 2012 г. в городе было убито более 1,3 тыс. человек и угнано более 4 тыс. машин¹².

Следует отметить, что в течение всех прошедших лет хозяйственное развитие Пакистана происходило на основе смешанной экономики. Соблюдался баланс между государственным и частным предпринимательством. Лишь правительство Зульф리카ра Али Бхутто (1971—1977 гг.) чрезвычайно увлекалось огосударствлением экономики, что не замедлило дать отрицательные последствия. Но в целом Пакистану удалось избежать распространения модных в прошлом идей «социалистической ориентации», «развития по некапиталистическому пути», оказавшихся на практике непродуктивными.

Разумеется, экономические успехи Пакистана во многом носят ограниченный характер. Сохранились такие острые проблемы, как дезинтегрированность экономической структуры, диспропорции между ее основными отраслями и зависимость от внешних поступлений. Так, выход страны из тяжелой ситуации, обусловленной мировым кризисом и наводнениями, был возможен прежде всего благодаря масштабной иностранной помощи и растущим поступлениям от пакистанцев, работающих за рубежом.

Важно иметь в виду, что, несмотря на определенные позитивные сдвиги, по-прежнему актуальны многие проблемы в обеспечении жизненных условий населения — занятости, медицинского обслуживания, образования, жилья, чистой воды и т. п. Продолжает расти имущественное неравенство, сохраняются нищета и бедность широких слоев населения.

Ограниченные экономические успехи не получили адекватного отражения в социальной обстановке. Связь между ростом экономики и изменением жизненных условий была весьма слабой. Социальный фактор — одна из причин политических сложностей в стране.

Политическое развитие этого государства отличалось острой нестабильностью, потрясениями и военными переворотами. Во многом это обуславливалось особенностями возникновения Пакистана. После 1947 г. слабая государственно-политическая верхушка нуждалась в постоянной поддержке. Ее смогли обеспечить вооруженные силы, которые, таким образом, сразу втянулись в политику.

Вероятно, в силу исторических обстоятельств пакистанская элита не владела мастерством компромисса в той же мере, что элита индийская. Определенные сложности вызывало ее стремление ужесточать меры, а не решать проблемы. Кто лучше всего мог помочь в этом? Конечно, вооруженные силы. Здесь кроется одно из объяснений частых военных переворотов в Пакистане. Военные приходили к власти четыре раза — Мухаммад Айюб Хан в 1958 г., Ага Мухаммад Яхья Хан в 1969 г., Мухаммад Зия ул-Хак в 1977 г. и Первез Мушарраф в 1999 г. (во время прихода к власти все они были генералами, начальниками штаба Сухопутных войск). Совокупный срок нахождения у власти действующих военных составляет около трети всей истории страны.

Поводы для установления военных режимов были разные: политические кризисы, опасность распада, конфликты в высших органах власти. Но главная причина одна: будучи неспособной самостоятельно решить проблему, власть сама обращалась к вооруженным силам.

Военные режимы не были одинаковыми. В соответствии с духом времени они эволюционировали в сторону уменьшения диктаторства. Самой полной, со всеми элементами, была диктатура Айюб Хана, самым размытым — режим Мушаррафа. При нем даже не было введено военное положение. Но содержание у военных режимов было общим: авторитарная власть одного человека.

Роль военных режимов и их значение оцениваются по-разному. Некоторые отмечают экономический рост, относительный порядок и большую безопасность. Другие обращают внимание на то, что при военных отсутствовали демократические нормы жизни, запрещалась политическая деятельность, не функционировали партии, отсутствовали выборы, приостанавливалась работа политических органов, не развивались навыки и традиции демократического управления.

Поэтому в периоды демократических просветов и восстановления демократического правления после военных режимов в стране процветали коррупция, беспринципность в политике и т. д. Все это дискредитировало идею демократию в западном понимании и делало привлекательными исламские лозунги справедливости и равенства.

Общая оценка военных режимов, очевидно, должна быть негативной. Однако надо иметь в виду, что во время их существования нарастала или укреплялась протестная традиция, обогащавшая политическую культуру Пакистана. Три режима пали в результате массовых движений населения, в том числе последний — Первеза Мушаррафа. В 2007—2008 гг. в Пакистане случилось то же, что в общих чертах произошло в странах Ближнего Востока. В целом успешный режим лишился поддержки и пал за короткое время. В этом проявились усталость от долгого (хотя и не столь продолжительного, как в некоторых арабских государствах) пребывания у власти одного человека, несбывшиеся надежды и желание перемен.

В Пакистане происходили постоянные переходы от парламентской формы правления к президентской в зависимости от реального соотношения сил. Началось с парламентской формы. И сейчас Пакистан снова пришел к ней. По мнению известного российского специалиста Вячеслава Белокреницкого, для этой страны характерен персоналистско-авторитарный тип правления, который в наибольшей степени проявляется при военных режимах¹³. При гражданской власти данный тип правления существует в ослабленной форме. Круг руководства несколько расширяется за счет трех центров силы — парламента и опирающегося на него правительства, генералитета и президента. В начале XXI в. к ним присоединилась четвертая сила — судьи. Каждый из центров претендует на первую роль, что приводит к конфликтам и политическим кризисам.

МЕСТО ИСЛАМА В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПАКИСТАНА

В период подъема национально-освободительного движения, когда во имя достижения независимости объединялись различные этнические, социальные и религиозные группы, в Южной Азии появилось государство, созданное на основе ислама.

Раздел Британской Индии на два государства в 1947 г. вызвал самую массовую в XX в. миграцию — около 13 млн человек¹⁴. Из Пакистана в Индию переселялись индусы и сикхи (около 58% всех переселенцев), из Индии в Пакистан — мусульмане (около 42%)¹⁵. Если переселенцы, принадлежавшие к индусской общине, назывались бастутъяги («покинувшие дома»), бастухара («бездомные») или шаранартхи («ищущие убежище»), то переселенцы-мусульмане — мухаджирами, поскольку их

переселение ассоциировалось с хиджрой пророка Мухаммада, т. е. с его переселением из Мекки в Медину¹⁶. Если в первом случае миграция воспринималась как лишение дома, то во втором — как событие, наделенное религиозным смыслом, как переселение на землю ислама¹⁷.

Однако борьба мусульман Британской Индии за свое государство была обусловлена не только религиозными, но и социально-политическими причинами, связанными со стремлением отстававшего в своем развитии сегмента индийского общества к улучшению жизненных условий и расширению своих прав. В новом государстве большие надежды связывались с ближайшим будущим. Ожидались скорейшее улучшение медицинского обслуживания, развитие образования, уменьшение бедности, увеличение доходов, развитие промышленности и сельского хозяйства, обеспечение равенства перед законом и равных возможностей для каждого. Пакистан представлялся демократической федеративной республикой. Идеи теократии носили маргинальный характер. Этнонациональные движения были составной частью общедемократического движения, в котором активно участвовали также интеллигенция, студенты, левое крыло в вооруженных силах («левые» в армии были разгромлены в 1951 г.), представители рабочих и крестьян.

В дальнейшем в связи с ростом политико-идеологической силы ислама «левый фактор» потерял реальное значение. Как многовековая традиционная сила ислам потеснил позиции демократического национализма, привлекательность которого померкла, поскольку надежды на скорейшее улучшение жизни в «своем» государстве не оправдались. Теперь упования на такие перемены стали связываться с эгалитаристскими лозунгами создания подлинно исламского государства, всеобщего благосостояния, равенства и справедливости.

Усилению роли ислама в общественно-политической жизни Пакистана способствовала не только смена настроений среди значительной части населения, но и религиозная политика государства. По мнению пакистановеда Лоуренса Зирина, время нахождения у власти Зульфикара Али Бхутто стало началом трансформации исламской республики в исламское государство, сопровождавшейся консолидацией и централизацией власти. Основные изменения в рамках этого процесса произошли после военного переворота 1977 г., в результате которого к власти пришел Мухаммад Зия ул-Хак. С конца 1970-х годов в Пакистане был введен ряд норм, отвечавших требованиям исламских партий о «шариатизации» и ограничении прав меньшинств¹⁸.

Необходимо оговориться, что в дискуссиях 1970—1980-х годов речь шла о «шариатизации» как о введении исламских правовых принципов¹⁹, тогда как в рамках этого процесса меры властей скорее были

направлены на исламизацию пакистанского общества через распространение исламского образа жизни на всех граждан — мусульман как членов уммы и немусульман как граждан исламского государства, которые не должны оскорблять религиозные чувства большинства²⁰.

В рамках «шариатизации» институт права был использован для распространения на всех граждан Пакистана не столько собственно правовых норм, сколько религиозных предписаний, т. е. речь шла не о реформе права, а об изменении общественной нравственности. Именно об этом сказал Мухаммад Зия ул-Хак в интервью в 1979 г.: «Я думаю, задачей первостепенной важности является восстановление нравственности. Эта задача должна решаться на основе ислама, поскольку на основе ислама был создан Пакистан»²¹.

Среди принятых норм выделяются введение религиозно-куриальной системы выборов в 1977 г.²², создание Федерального шариатского суда в 1980 г., а также ряд изменений в Уголовном кодексе 1984 г., а именно: закон против богохульства, закон, запрещающий оскорбление Корана, закон, запрещающий оскорбление жен, семьи и соратников пророка Мухаммада, и два закона, касающиеся общины ахмадия²³.

Завершением процесса превращения Пакистана в исламское государство должен был стать указ о претворении в жизнь законов шариата, изданный Зия ул-Хаком в июне 1988 г. Согласно этому акту суды наделялись правом пересматривать правовые акты, не соответствующие, по их мнению, нормам ислама. После гибели диктатора в авиакатастрофе 17 августа 1988 г. указ не был утвержден Национальной ассамблеей²⁴.

В рассматриваемый период в Пакистане происходил не только рост влияния политического ислама, но и его радикализация. Логика развития исламизма неизбежно вела к использованию всех возможностей ради превращения Пакистана в подлинно исламское государство. Этому процессу содействовали события вокруг Пакистана: исламская революция в Иране, джихад в Афганистане, обострение борьбы в Кашмире.

В Пакистане активизировали деятельность исламские партии «Джамаат-и Ислами» («Исламское общество» — ДИ), «Джамаат ул-Улама-и Ислам» («Общество мусульманских богословов» — ДУИ) и др. Под эгидой этих партий и при поддержке властей были созданы военизированные радикальные организации типа «Лашкар-и Тойба» («Ополчение чистых» — ЛТ), «Харкат ул-Муджахеддин» («Движение муджахедов»), «Джаиш-и Мухаммад» («Армия Мухаммада» — ДМ) и др. Первоначально эти организации находились под контролем указанных партий, но потом приобрели самостоятельность. Вскоре они стали представлять опасность для самого Пакистана.

Именно на время правления Мухаммада Зия ул-Хака приходится обострение отношений между суннитами и шиитами, поскольку по-

следние не поддержали суннитскую по характеру «шариатизацию», а первые увидели в такой позиции вызов исламу и пакистанской нации. В 1986 г. в провинции Панджаб Хак Наваз Джангви основал организацию «Сипах-и Сахаба» («Армия соратников Пророка» — СС) для борьбы с влиянием шиитов. Сочетание противоречий суннитов и шиитов, богатых и бедных, местных и приезжих привело к кровавым столкновениям, которые распространились по всей стране. Акты насилия совершались как суннитами, так и шиитами. Антисуннитские выступления возглавила шиитская организация «Техрик Нифаз-е Фикх Джафария» («Движение за осуществление Джафарийского Фикха» — ТНФД), созданная в 1980 г.

В 1988 г. был убит Сайид Ариф Хусейни, глава ТНФД, а в 1990 г. — Хак Наваз Джангви. Ответом на их гибель стало создание радикальных организаций — шиитской «Сипах-е Мухаммад-е Пакистан» («Пакистанская армия Мухаммада») в 1993 г. и суннитской «Лашкар-е Джангви» («Армия Джангви» — ЛД) в 1996 г. Количество жертв суннито-шиитских столкновений достигло беспрецедентных масштабов. По официальным данным, за 1997 г. было убито 195 человек, из которых 77 человек были суннитами, а 118 — шиитами. Неофициальные данные в разы превышают эти цифры.

Две общинные организации действовали по принципу «кровь за кровь». Взрыв в шиитской мечети сопровождался взрывом в суннитской, убийство суннитского активиста — уничтожением шиитского и т. д. Неоднократные попытки властей усадить за стол переговоров враждующие стороны не увенчались успехом.

Демократический просвет между военными режимами Мухаммада Зия ул-Хака и Первеза Мушаррафа, длившийся с 1988 по 1999 гг., не означал кардинального пересмотра религиозной политики²⁵. Об этом свидетельствует тот факт, что религиозно-куриальная система выборов просуществовала до 2002 г., когда ее отменили при Мушаррафе.

Более того, в условиях парламентской демократии 1988—1999 г. были предприняты две попытки завершить процесс превращения Пакистана в исламское государство. Причем обе — во время нахождения Наваза Шарифа на посту премьер-министра (1990—1993 и 1997—1999 гг.). В 1991 г. президент Гулам Исхак Хан попытался провести законопроект об объявлении Корана и Сунны верховным законом Пакистана²⁶. Будучи одобрен в Сенате, законопроект не набрал необходимого количества голосов в Национальной ассамблее. В 1998 г. была сделана попытка принять XV поправку к Конституции, согласно которой основным законом страны должны были стать Коран и Сунна, а не Конституция. На этот раз Национальная ассамблея одобрила поправку, а Сенат — нет²⁷. В 1992 г. правительство Наваза Шарифа безуспешно попыталось также ввести

обязательное обозначение религиозной принадлежности в форму удостоверения личности, необходимого для посещения учебных заведений, открытия банковского счета, голосования, получения паспорта²⁸.

После 1999 г. Первез Мушарраф приложил максимум усилий для стабилизации внутренней обстановки и улучшения имиджа страны на международной арене. Это потребовало от властей Пакистана пересмотреть отношение к организациям, вовлеченным в суннитско-шиитский конфликт. Были запрещены СС, ЛД и ряд других организаций, арестованы активисты, замешанные в преступлениях на религиозной почве. С военной службы ушли некоторые офицеры, связанные с экстремистами.

Отказ от поддержки талибов и участие в антитеррористической кампании в Афганистане, возглавляемой США, вызвали в Пакистане недовольство, рост оппозиции и антиамериканских настроений. Последовали массовые демонстрации и митинги. Особенно нестабильная ситуация сложилась в северо-западных районах (провинция Хайбер Пахтунхва и Территория племен федерального управления — ТПФУ), где действия властей рассматривались как предательство. Из пуштунских районов Пакистана тысячи добровольцев направились оказывать помощь талибам в Афганистане. В некоторых районах страны исламистские радикалы попытались установить свое правление.

Правительство оказалось в сложном положении. США и другие западные страны требовали от Исламабада активизации военных действий против талибов, но любые его усилия в этой области вызывали протесты и рост не только антиамериканских, но и антиправительственных настроений. В дополнение к имевшимся в Пакистане террористическим организациям в середине первой декады XXI в. прибавились собственные талибы.

Примеры последних террористических актов в Кветте показали, что принятые властями меры для прекращения межобщинного насилия не принесли положительного результата. Так, 16 февраля 2013 г. в Кветте, столице пакистанской провинции Белуджистан, произошел террористический акт, унесший жизни 85 человек (по неофициальным данным жертв больше — 96). Было ранено более 170 человек. Большинство жертв принадлежали к общине хазарейцев, исповедующих шиизм. За последнее время Кветта не раз становилась объектом террористических нападений: 14 мая 2012 г. (убито 6 человек, ранено 56), 7 июня (15, 48), 18 июня (7, 30), 21 июня (2, 15), 28 июня (16, 30), 13 июля (8, 22), 5 августа (5, 10), 21 августа (2, 12), 19 октября (3, 10), 21 ноября (5, 20), 6 января 2013 г. (106, 169), 7 января (12, 47) и т. д.²⁹

В этой связи обращает на себя внимание, что речь идет о Кветте, которая, как справедливо пишет Муртаза Хайдер, является «городом-гарнизонам, в котором каждая улица набита оперативниками»³⁰.

Межобщинное насилие снова и снова заставляет поднимать вопрос о роли силовиков в предупреждении и борьбе с преступлениями на религиозной почве. В редакционной статье пакистанской газеты «Дейли Таймс» предлагается такой ответ на этот вопрос: «Существует крайняя нужда в изменении подходов наших разведывательных и силовых ведомств к этой ситуации... Пора нашим разведывательным и силовым ведомствам отказаться от того нонсенса, который существует под видом стратегии, планирования или заботы о безопасности граждан. Пришло время начать служить на благо своего народа, особенно тех, кто находится в меньшинстве в обществе, быстро превращающемся в экстремистское»³¹.

Вряд ли что-то изменил арест Малика Исхака, главы ЛД, взявшей на себя ответственность за теракт 16 февраля, как и за ряд других нападений на шиитов³². Можно напомнить, что Малик Исхак уже сидел в тюрьме по схожим обвинениям. Но проведя за решеткой 14 лет, он был выпущен на свободу в 2011 г. решением Верховного суда, который не посчитал достаточно убедительными доводы, представленные обвинением. Даже находясь в тюрьме, Малик Исхак мог быть причастен к организации ряда терактов, в том числе, возможно, и к нападению на шриланкийскую спортивную команду в Лахоре (2009 г.)³³.

Как бы сложна ни была ситуация в сфере межобщинных отношений Пакистана в настоящее время, некоторые авторы полагают, что она может стать еще сложнее после 2014 г.³⁴ Вывод основного контингента Международных сил содействия безопасности из Афганистана может сопровождаться возвращением в Пакистан боевиков, которые сейчас воюют на стороне вооруженной оппозиции. Будучи сторонниками радикальных взглядов, они, видимо, попытаются претворить эти взгляды в жизнь. В таком случае религиозные меньшинства как олицетворение инакомыслия станут их главной мишенью. Судя по событиям в Кветте, это не такая уж отдаленная перспектива.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2013 г.: ОЖИДАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Делать прогнозы о политическом будущем Пакистана сложно не только из-за ситуации в этой стране, но и из-за положения в Афганистане и действий антитеррористической коалиции под эгидой США. Важную роль могут сыграть проблемы, связанные с изменением климата, приводящим к стихийным бедствиям и изменениям погодных условий. Од-

нако благодаря парламентским выборам, состоявшимся 11 мая 2013 г., можно сделать некоторые выводы.

Накануне выборов не приходилось ожидать перераспределения значительного числа мест в законодательных собраниях между партиями, поскольку согласно предварительным оценкам предпочтений в Пакистане основой электоральной базы партий оставались преимущественно этнолингвистические, а не религиозные, социальные или экономические группы³⁵. Действительность оказалась сложнее таких оценок.

Одними из значимых факторов, оказавших влияние на изменение расстановки сил в законодательных собраниях, стали социально-экономические изменения электората, в котором все более заметную роль играют молодые горожане. Именно им обязана успехом партия «Пакистан Техрик-е Инсаф» (Пакистанское движение за справедливость — ПТИ), которую возглавляет пуштун Имран Хан (полное имя — Имран Ахмад Хан Ниязи), в прошлом капитан пакистанской сборной по крикету. По сути это первое участие данной партии в выборах наравне с лидирующими Пакистанской народной партией (ПНП), Пакистанской мусульманской лигой (Наваз Шариф) — ПМЛ(Н) и Пакистанской мусульманской лигой (Каид-и Азам) — ПМЛ (КА). В дискуссиях в пакистанских блогах партии ПТИ прочили от 10 до 60 мест в Национальной ассамблее³⁶. Максимальные оценки многим представлялись маловероятными, однако даже выигрыш 10 мест рассматривался как успех, во многом связанный с ролью лидера партии.

Имран Хан, во-первых, олицетворяет новое поколение политиков, во-вторых, умело сочетает эгалитаристские лозунги, основанные на исламской идеологии, с образом современного, прогрессивно мыслящего политика, в-третьих, последовательно критикует США и Запад, в частности, за использование беспилотных летательных аппаратов.

На фоне этого успеха разочаровывающе выглядит выступление Всепакистанской мусульманской лиги, основанной 1 октября 2010 г. Первезом Мушаррафом. Фигура бывшего начальника штаба Сухопутных войск и президента Пакистана стала главным капиталом партии, надеявшейся, вероятно, побороться за голоса группы избирателей, являвшейся электоральной базой ПТИ, — образованных горожан. Поэтому когда 16 апреля кандидатура Мушаррафа была снята с выборов решением избирательного трибунала города Читрал (провинция Хайбер Пахтунхва), это означало фактическую смерть Всепакистанской мусульманской лиги.

На этом злоключения главы партии не закончились. 18 апреля Высший суд Исламабада принял решение об аресте Первеза Мушаррафа по делам, связанным с чрезвычайным положением 2007 г. 26 апреля было принято еще одно решение об аресте в связи с терактом 27 декабря

2007 г., унесшим жизнь бывшего премьер-министра Беназир Бхутто. С 19 апреля Мушарраф находится под домашним арестом (в течение этого срока он провел некоторое время в исламабадском штабе полиции). 30 апреля Высший суд Пешавара принял решение о пожизненном лишении бывшего президента права на участие в выборах.

Трудно не увидеть в обвинениях, выдвинутых против Мушаррафа, политическую подоплеку. Именно на ней делают акцент его юристы, обжалующие решения судов. Представляется, что в данной ситуации речь может идти не о попытке вернуться в политическую борьбу, а о сделке, которая позволила бы бывшему президенту снова покинуть страну³⁷. Камна Арора, корреспондент индийского канала «Zee News», с этим не согласна³⁸. Она считает, что при нынешнем отношении пакистанской элиты к Мушаррафу возможность подобной сделки исключена, поскольку законодательная и судебная власть предприняли все усилия для того, чтобы он был приговорен к длительному сроку заключения. Открытым остается вопрос о позиции армии: готова ли она будет принять подобный приговор бывшему начальнику штаба Сухопутных войск и смириться с беспрецедентным случаем в истории Пакистана?

Второй значимой особенностью предвыборной гонки 2013 г. стало падение роли межпартийных альянсов. В предвыборный период были созданы два альянса. Первый из них состоял из Пакистанской мусульманской лиги (Функциональной) — ПМЛ(Ф), ПМЛ(Н), «Джамаат-и Ислами» («Исламского общества»), «Сунни Техрик» (Суннитского движения), Синдской объединенной партии, «Синдх тараки пасанд парти» (Синдской прогрессивной партии), «Каоми авами техрик» (Национальной народной партии), «Джамаат Улама-е Пакистан» («Общества улемов Пакистана»), «Джамаат ул-Улама-и Ислам Фазл» («Общество мусульманских богословов (Фазл)») — ДУИ(Ф), ННП. Члены этого альянса не смогли согласовать общую политическую платформу. Единственным, что их объединяло, было противостояние правящей ПНП. На выборах партии этого альянса выступили фактически самостоятельно.

Вторым альянсом, который в отличие от первого имел согласованную политическую позицию, было объединение пяти небольших религиозных партий «Муттахида дини махаз» («Объединенный религиозный фронт»).

Шамим Бано из пакистанской газеты «The News International» считает, что «хотя в последние годы увеличилось многообразие политических партий, формирование предвыборных альянсов, как кажется, вышло из моды»³⁹. По мнению этого автора, крупные партии предпочли созданию общих платформ распределение избирательных участков, избавившее от соперничества с заведомо сильными оппонентами и позволившее более эффективно распорядиться ресурсами.

Перед выборами Избирательная комиссия Пакистана (ИКП) опубликовала список избирательных участков высокого и повышенного риска⁴⁰. Этот список позволяет увидеть, что только 38 834 участка (56%) являлись обычными с точки зрения безопасности. Из них 27 106 (70%) находились на территории Панджаба. Это количество составило в данной провинции 68%, тогда как остальные участки оценивались как участки высокого и повышенного риска. В других провинциях ситуация была хуже, а наихудшая — в Белуджистане, где к обычным избирательным участкам относилось только 18%.

Военные, согласно выступлению генерал-майора Асима Салима Баджвы, генерального директора Общевоинской службы по связям с общественностью, разместили войска таким образом и в таком количестве, чтобы удовлетворить нужды безопасности на выборах. В одних только провинции Хайбер Пахтунхва и Территории племен федерального управления было дислоцировано 22 тыс. солдат и 96 тыс. сотрудников правоохранительных органов⁴¹ (всего было размещено около 600 тыс. военнослужащих и правоохранителей⁴²). Вероятно, в этом вопросе возникли противоречия между военными и ИКП, которая в соответствии с письмом судьи Фахруддина Ибрахима, главы этой комиссии, на имя начальника штаба Сухопутных войск генерала Ашфака Каяни ожидала, что военнослужащие и правоохранители будут присутствовать на всех избирательных участках высокого и повышенного риска. Вместо этого, как указано в письме, в ряде случаев военные предпочли использовать войска как силы быстрого реагирования⁴³.

Озабоченности ИКП были связаны с тяжелой ситуацией в области безопасности перед выборами. Так, в трех избирательных округах была отложена предвыборная борьба в связи с убийствами кандидатов:

- 30 апреля в районе Джал Магси (Белуджистан) было обнаружено тело независимого кандидата Абдула Фатеха Магси, похищенного накануне вечером. По некоторым сведениям, это убийство стало мстью местных жителей за нападение, которое Абдул Фатех Магси предпринял вместе со своими вооруженными сторонниками в этом районе⁴⁴.
- 3 мая в Карачи был застрелен Садик Заман Хаттак, кандидат от «Авами нэшнл парти» (Народной национальной партии — АНП). Вместе с ним погиб малолетний сын. Ответственность за это взяло на себя движение «Техрик-е Талибан Пакистан» (Движение талибов Пакистана — ТТП)⁴⁵.
- Вечером 10 мая в Хайдерабаде (Синд) был застрелен Фахрул Ислам, кандидат от «Муттахида Кауми Мувмент» (Объединенного национального движения — МКМ). Ответственность взяло на себя ТТП⁴⁶.

По данным организации «Сеть свободных и честных выборов» («Free and Fair Election Network»), с 17 марта по 9 мая в инцидентах, связанных с выборами, было убито 189 человек и ранено 667. Нападавшие, которыми во многих случаях были боевики, связанные с ТТП, избрали тактику ударов по конкретным целям. В качестве средства нападения чаще всего использовались самодельные взрывные устройства, на втором месте стоит огнестрельное оружие. В Белуджистане было зафиксировано три случая использования переносных зенитно-ракетных комплексов⁴⁷.

Среди партий, подвергшихся атакам, первое место занимает АНП, на кандидатов, сотрудников, сторонников, офисы которой нападения совершались 29 раз. Далее следуют МКМ (23 инцидента), ПМЛ(Н) (16), ПНП (12), ДУИ(Ф) (6), ПТИ (4). 10 атак было организовано против независимых кандидатов и их сторонников. Для кандидатов от АНП наиболее опасной провинцией стал Хайбер Пахтунхва (6 нападений на кандидатов), для ПМЛ(Н) — Белуджистан (4), для ПНП — Синд (2), для ДУИ(Ф) — Белуджистан (4), для ПТИ — Хайбер Пахтунхва (2).

В день выборов, по предварительным оценкам, опубликованным 12 мая телеканалом «Аадж ньюс», было убито более 40 человек, а ранено более 200⁴⁸. Инциденты включали подрывы самодельных взрывных устройств, стрельбу, столкновения между политическими оппонентами и т. д. Очевидно, в процессе выяснения деталей эти цифры будут корректироваться.

Согласно предварительным данным, опубликованным ИКП 14 мая, из 342 мест в Национальной ассамблее ПМЛ(Н) получила 122, ПНП — 31, ПТИ — 26, независимые кандидаты — 25, МКМ — 16, ДУИ(Ф) — 10, ДИ и ПМЛ(Ф) — по 3; десять партий разделили 13 мест (результаты выборов на оставшихся избирательных участках еще неясны)⁴⁹. Эти данные означают, что партия Наваза Шарифа добилась убедительной победы, а он сам стал наиболее вероятным претендентом на пост премьер-министра.

Вместе с тем ПМЛ(Н) не смогла получить простое большинство в Национальной ассамблее, для чего ей требовалось 172 места. Таким образом, партии придется опираться на коалиционное правительство. Это не избавит Наваза Шарифа от необходимости считаться с оппозицией в Национальной ассамблее, лидирующую роль в которой будут играть ПНП и МКМ, а также с Сенатом, где ПНП все еще имеет твердые позиции.

Пока рано говорить об особенностях политики правительства во главе с Шарифом. Но, исходя из его предыдущего опыта управления страной в 1990—1993 и 1997—1999 гг., можно ожидать, во-первых, внимания к религиозной проблематике, во-вторых, трений (если не конфликтов) между гражданской властью и военными и, в-третьих, активизации усилий по нормализации отношений с Индией.

Первая возможность очевидна ввиду предпринятых в прошлом попыток Шарифа превратить Пакистан в исламское государство, т. е. сделать Коран и Сунну верховным законом страны (см. выше).

Вторая возможность связана с непростыми отношениями между Шарифом и военными. Так, военный переворот, осуществленный Первезом Мушаррафом в 1999 г., вынудил Шарифа покинуть страну на несколько лет. После возвращения в 2007 г. глава ПМЛ(Н) отказался участвовать в парламентских выборах 2008 г., но активно включился в политическую борьбу. Накануне тех выборов он предложил упразднить Совет национальной безопасности, реформировать и усилить правительственный Комитет по обороне и национальной безопасности во главе с премьером, повысить роль Объединенного комитета штабов (понижив соответственно роль начальника штаба Сухопутных войск), перевести утверждение военного бюджета из Сената в Национальную ассамблею. Тогда у ПМЛ(Н) было недостаточно возможностей для такой реформы, которая усилила бы контроль правительства над военными. После выборов 2013 г. возможности Шарифа увеличились. А значит, вырос потенциал для конфликта с военными, которые, вероятно, будут сопротивляться такой реформе.

Третья возможность связана с циркулирующим в пакистанской и индийской прессе предположением, согласно которому до военного переворота 1999 г. Шариф проводил политику, нацеленную на нормализацию отношений с Индией, однако роль военных в Каргильском кризисе 1999 г. помешала ему достичь поставленных целей. Это предположение вызывает возражения. Если в 1990-е годы Наваз Шариф не смог реализовать курс на улучшение отношений с Нью-Дели, стоит ли ожидать этого сейчас, когда политическая система Пакистана остается неустойчивой, а военные все еще являются наиболее мощной силой в стране?

КРАТКИЙ ОБЗОР
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ПАКИСТАНА

Возникший как политически и экономически слабое государство, к тому же обремененное конфликтами с Индией и Афганистаном, Пакистан решил опереться на страны Запада, прежде всего на США. С Вашингтоном были заключены соглашения об экономическом и военно-политическом сотрудничестве. Вскоре Пакистан вступил в Организацию Договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО, 1954 г.) и Багдадский пакт (1955 г., впоследствии Организация Центрального договора, СЕНТО). Однако глубокие противоречия и сложности блоковой системы делали ее малопривлекательной для развивающихся стран.

После окончательного развала блоков во второй половине 1970-х годов Пакистан стал строить свою политику на основе принципа двусторонности — сотрудничества с максимально большим числом стран на основе учета и уважения взаимных интересов. Тогда было положено начало длительному и стабильному китайско-пакистанскому сотрудничеству.

Пакистан получал большую иностранную помощь, прежде всего от США, особенно в периоды острых внутренних и внешних ситуаций, например, во время его участия в поддержке вооруженной борьбы против советских войск в Афганистане в 1970—1980-х годах. В связи с нынешней обстановкой в Афганистане Пакистан ежегодно получает 1,5 млрд долл. (с 2010 по 2015 гг.) согласно закону Керри-Лугара. США являются крупнейшим донором Пакистана. За ними следуют согласно данным Государственного банка Пакистана Китай (в 2011 финансовом году его помощь составила 249,5 млн долл.), Европейский союз (144,6 млн), Великобритания (89,0 млн) и Япония (67,8 млн)⁵⁰.

Практически на протяжении всей своей истории Пакистан находился в положении должника. Несмотря на довольно благоприятные условия помощи (особенно в последнее время), внешний долг Пакистана по официальным данным составляет довольно значительную

сумму (56,8 млрд долл. в 2010 г.⁵¹). Согласно данным Государственного банка Пакистана крупнейшими кредиторами в 2011 финансовом году стали Китай (1,9 млрд долл.), Саудовская Аравия (380 млн), Япония (237,5 млн) и Франция (103,6 млн)⁵². Жизнь в долг — такова вынужденная необходимость этого государства.

Другим традиционным проявлением стремления Пакистана искать поддержки внешних сил является его широкое и активное участие в различных международных организациях и коалиционных объединениях. Это проявилось еще в период блоковой политики. Пакистан является членом Организации исламского сотрудничества (ОИС). В 1964 г. Пакистан вместе с Ираном и Турцией создали Организацию регионального сотрудничества, которая в настоящее время называется Организацией экономического сотрудничества. Она включает 10 членов (все центральноазиатские страны, а также Азербайджан и Афганистан). Пакистан входит и в другую крупную региональную организацию — Ассоциацию регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), которая включает все страны Южной Азии (в том числе Афганистан), а в качестве наблюдателей — такие государства, как Австралия, Китай, США, Япония, а также Европейский союз и др.

С 2005 г. Пакистан входит в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) на правах наблюдателя. Он предпринимает огромные усилия для достижения полноправного членства в этой евразийской организации. Пакистан активно внедряется в структуры Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), открытые нечленам этой организации, на постоянной основе действует Деловой совет АСЕАН-Пакистан. Пакистан принят в члены Регионального форума АСЕАН, он активно участвует в деятельности форума «Азия-Европа».

Если оценивать результаты основных сфер деятельности пакистанского общества, то, безусловно, наиболее успешной была деятельность внешнеполитическая. В целом она была масштабной, активной, продуктивной. Широкие связи со многими странами, активная деятельность в международных организациях, укрепление позиций в мусульманском мире, использование конъюнктуры на мировой арене были весьма полезны для развития государства, повышение его роли и престижа. Конфронтация с Индией, вовлеченность в афганские события вывели Пакистан на глобальный уровень мировой политики. Так, в период афганского кризиса в 1970—1980-х годах Пакистан фактически был представителем мусульманского мира в международных организациях, прежде всего в Организации Объединенных Наций. Все перечисленное позволяет выявить важную особенность эволюции Пакистана — активность и результативность его внешнеполитической деятельности в определенной степени повышали его внутренний потенциал.

На протяжении всей относительно короткой истории пакистано-афганских отношений они оказывали многостороннее влияние на внутреннюю и внешнюю политику обоих государств. Это происходит сейчас и, без сомнения, будет иметь место в будущем. Трудно найти соседние страны, которые так сильно воздействовали бы друг на друга, как Пакистан и Афганистан.

Пуштунский вопрос

Пакистан и Афганистан имеют много общих проблем. К их числу относится проблема Пуштунистана — вероятно, главный раздражитель их взаимоотношений. Она сформировалась еще в отношениях между Афганистаном и Британской Индией. Когда возник вопрос о создании Пакистана, афганская правящая элита пыталась добиться пересмотра соглашения о «линии Дюранда» 1893 г., в соответствии с которым была проведена граница между Афганистаном и Британской Индией, разделившая пуштунские племена на две части. Заявления Кабула о том, что из двух участников данного соглашения остался только один и поэтому этот документ утратил законную силу, руководители Пакистана парировали тем, что новое государство наряду с Индией является правопреемником Британской Индии.

Афганистан не принял такую позицию. Именно поэтому осенью 1947 г. он проголосовал против членства Пакистана в ООН. Кабул никогда не признавал существования государственной границы с Пакистаном по «линии Дюранда» (более 2400 км), поддерживал сепаратистские движения пакистанских пуштунов, призывая их к созданию независимого Пуштунистана. В свою очередь, и Пакистан оказывал помощь оппозиционным силам в Афганистане. Противники правящих режимов в обеих странах находили убежище в соседнем государстве.

Полярные подходы сторон к вопросу о Пуштунистане делают его практически неразрешимым. Прошло более шестидесяти лет, в обеих странах произошли серьезные общественно-политические изменения, сменились поколения лидеров, но воз и ныне там. На протяжении всей истории пакистано-афганских отношений это противоречие нагнетало негативную обстановку между Исламабадом и Кабулом, было главным препятствием на пути развития их сотрудничества, затрудняло урегулирование двусторонних проблем. Несомненно, не будь такого раздражителя, как пуштунский вопрос, многие из них были бы решены общими усилиями или по крайней мере утратили остроту.

Под влиянием многих факторов включая пуштунский вопрос пакистано-афганские отношения развивались крайне неровно. Резкие обострения сменялись нормализацией ситуации. Так, в связи с обострением пуштунской проблемы в сентябре 1961 г. последовал разрыв дипломатических и экономических отношений. Нарушение торговых связей нанесло обеим странам серьезный ущерб. В начале 1963 г. в результате переговоров были достигнуты соглашения о восстановлении дипломатических и экономических отношений.

После Апрельской (или Саурской) революции 1978 г. в Афганистане Исламабад признал новое правительство соседней страны. Пакистан пытался в новой обстановке найти пути для благоприятного для себя решения пуштунского вопроса, поскольку при предшествовавшем правительстве во главе с Мухаммедом Даудом это было невозможно. В условиях растущих трудностей кабульского режима Исламабад настойчиво призывал его к широкому сотрудничеству на основе признания государственной границы. Особенно успешно для Пакистана переговоры шли при правительстве Хафизуллы Амина в 1979 г. Пользуясь его крайне тяжелым положением, Пакистан, по свидетельству очевидцев событий, смог склонить афганского руководителя к решению вопроса о признании «линии Дюранда» государственной границей между двумя странами⁵³. Но удачное для Исламабада течение событий было прервано убийством Амина и вводом советских войск в Афганистан в конце 1979 г.

Линия поведения Пакистана в отношении Афганистана кардинально изменилась. Теперь он видел главную задачу в жесткой конфронтации с афганскими властями во главе с Бабраком Кармалем, в широкой и всесторонней поддержке муджахедов, обеспечении их победы и установлении в этой стране дружественного режима. Таким образом предполагалось решить пуштунский вопрос.

Разумеется, курс Пакистана определялся не только проблемой Пуштунистана. Использование Пакистаном муджахедов имело определенные предпосылки. По словам Вячеслава Белокреницкого, пакистано-афганский исламский коридор начал складываться еще с 1975 г., когда в Афганистане был раскрыт антиправительственный заговор и в Пакистан эмигрировали руководители основных оппозиционных организаций и антиправительственных сил — Гульбеддин Хекматъяр, Бурхануддин Раббани и Ахмад Шах Масуд⁵⁴. Вероятно, еще перед заговором они прошли военную подготовку в пакистанском Пограничном корпусе, которым командовал Насирулла Бабар. Уже в качестве губернатора Северо-Западной пограничной провинции (современная провинция Хайбер Пахтунхва) он принял этих муджахедов после их бегства из Афганистана в 1975 г.⁵⁵ Именно эти лидеры стали ядром вооруженного сопротивления советскому контингенту в Афганистане.

Курс Пакистана и его положение как «прифронтового государства» обеспечили ему большие политические и экономические дивиденды:

- Пакистан превратился в центральный элемент борьбы международной коалиции с расширением влияния СССР в Азии. На его территории были созданы базы и лагеря по подготовке военных формирований афганской оппозиции. В пакистанском городе Пешаваре обосновались штаб-квартиры политических партий, выступавших против кабульского правительства. Здесь же в феврале 1980 г. было образовано временное правительство Афганистана. Кроме того, Пакистан стал представителем мусульманских государств по «афганскому вопросу» в международных организациях.
- С начала 1980-х годов через Пакистан осуществлялись главные поставки вооружений, медикаментов и продовольствия для моджахедов. В отсутствие транспарентности часть этой помощи не доходила до афганцев. С Пакистана были сняты санкции, наложенные прежде западными странами за развитие военной ядерной программы. Возродился военно-экономический альянс Пакистана и США. Щедро поставляли финансовую и экономическую помощь государства Ближнего Востока.
- Действия военного режима во главе с Мухаммадом Зия ул-Хакком, совершившим военный переворот в 1977 г., оказались задним числом оправданными, поскольку этот режим обеспечил относительную стабильность в Пакистане и его прозападную ориентацию.

Одновременно в Пакистане имели место и отрицательные последствия этого курса. В стране росла инфляция, увеличивался внешнеторговый дефицит. Быстро возрастала внешняя задолженность. Пребывание на пакистанской территории большого числа афганских беженцев (более 3 млн человек) привело к возникновению серьезных проблем экономического, социального, политического и даже экологического порядка. Необычайной остроты достигла проблема наркомании, до этого практически отсутствовавшая. Наконец, страна оказалась буквально наводнена оружием.

Все это осложняло ситуацию, вызывало недовольство населения. Не было единства и внутри правящей верхушки. Часть ее выступала за неизменность прежнего курса в отношении Афганистана (президентская группировка, религиозные партии, могущественная Общевойсковая разведка). Большой гибкости требовали многие общественные организации и политические партии.

Негативные последствия афганской войны заставили Исламабад изменить позицию в отношении переговорного процесса с Кабулом.

В 1982 г. он дал согласие на переговоры в Женеве при поддержке специального представителя генерального секретаря ООН. Первоначально Пакистан стремился свести эти переговоры к достижению соглашения о выводе советских войск из Афганистана, однако затем согласился принять комплексную формулу, включающую обязательства двух сторон о невмешательстве во внутренние дела друг друга. В ходе переговоров Исламабад стремился оказать давление на Кабул, поставив решение проблемы государственной границы в качестве условия подписания документов по итогам переговоров. Он настаивал на включении в текст соглашений слов «международно признанные границы», имея в виду «линию Дюранда». Для афганской делегации это было неприемлемо. В результате дипломатических усилий удалось изменить эту формулу на «границы друг друга», после чего стороны подписали соглашения⁵⁶.

С вступлением в действие Женевских соглашений в мае 1988 г. и выводом советских войск из Афганистана в феврале 1989 г. был достигнут важный рубеж в выполнении основной стратегической задачи Пакистана, которая заключалась в том, чтобы, улучшив позиции в Афганистане, создать стратегическую глубину для противостояния с основным противником — Индией⁵⁷. Следующей целью Пакистана стал приход к власти в Афганистане муджахедов. Стремясь к достижению этой цели, Исламабад пошел на нарушение Женевских соглашений, поскольку продолжал оказывать военную поддержку муджахедам для устранения «коммунистического правительства» в Кабуле и захвата власти⁵⁸.

Пакистан и афганские талибы

С падением правительства Мохаммада Наджибуллы в апреле 1992 г. и захватом муджахедами Кабула был пройден еще один этап реализации стратегического плана Исламабада. Оставалось образовать коалиционное правительство муджахедов, в котором фаворит Пакистана, группировка Гульбеддина Хекматъяра, опираясь на свой военно-политический вес и располагая поддержкой США, Пакистана и других стран, должна была занять преобладающее положение.

Однако решить именно эту задачу оказалось невозможно. Захват власти муджахедами не усилил позиции Пакистана в этой стране. В стане победителей развернулась ожесточенная вооруженная борьба за власть. Конкуренты разделили между собой Кабул, а затем и всю страну на зоны контроля. Постоянно создавались и рушились враждовавшие друг с другом коалиции бывших соратников. Действия по примирению соперников, в которых активное участие принимали пакистанские официальные лица, религиозные деятели, политические

лидеры, позитивного результата не принесли. В ходе острых разборок слабели военно-политические позиции группировки Хекматъяра.

Стало очевидно, что в существовавших в Афганистане условиях невозможно не только установление дружественного Пакистану режима, но и вообще урегулирование конфликтной ситуации и достижение мирной жизни.

С выводом советских войск из Афганистана, а затем и с распадом СССР афганский конфликт утратил глобальный характер, а Пакистан потерял былую значимость для Запада, следствием чего явилось сокращение материальной помощи. США с 1990 г. прекратили военную и почти всю экономическую помощь Исламабаду. А ему были необходимы средства, в частности, на содержание афганских беженцев, которые не хотели возвращаться на объятую гражданской войной родину, на поддержку его сторонников в Афганистане. Длительная нестабильность в соседней стране оказывала негативное воздействие на внутреннюю ситуацию в Пакистане. Множилось число террористических актов, большинство которых имело «афганский след». Попытки пакистанских властей удалить из страны наиболее опасных муджахедов не увенчались успехом и лишь обострили ситуацию. Огромный поток контрабандных товаров, включая наркотики, наносил ущерб социально-экономической жизни и международному престижу страны.

Потребность в скорейшем разрешении кризисной ситуации в Афганистане и невозможность достичь этого при существовавшем раскладе военно-политических сил обусловили содействие Пакистана появлению в 1994 г. новой силы — движения «Талибан», костяк которого составили учащиеся (талибы) религиозных школ, открытых для афганских беженцев в Пакистане. Ядро движения составляли бывшие муджахеды. Участвовали в его создании отставные и находившиеся на службе пакистанские военные. Движению покровительствовал влиятельный отставной военный Насирулла Бабар, занимавший пост министра внутренних дел в правительстве Беназир Бхутто (он называл талибов «своими детьми»⁵⁹). Руководство «Талибана» было связано с партией ДУИ.

В тот период в Пакистане были уверены, что с его помощью талибы принесут в Афганистан единство и стабильность. Исламабад рассчитывал, что талибы как сторонники религиозной идеологии будут ставить религиозное единство выше этнонационального, что поможет ослабить движение за Пуштунистан.

Такому политическому выбору Исламабада способствовал также рост влияния в стране исламской идеологии, что нашло выражение в победе партии ПМЛ(Н) на выборах 1997 г.⁶⁰ Эта партия была значительно лояльнее к религиозным организациям, чем ее главный соперник — ПНП во главе с Беназир Бхутто. Хотя еще до выборов полити-

ческое руководство, представленное преимущественно членами ПНП, постепенно склонялось к поддержке «Талибана», не без влияния Общевойсковой разведки⁶¹.

В отношении талибов власти Пакистана просчитались:

- талибам не удалось захватить всю афганскую территорию — Северный альянс удержал на севере страны районы, пользуясь поддержкой России, Ирана и Индии⁶²;
- талибы все больше отдалялись от взрастивших их пакистанцев, в их стане росло влияние иностранных наемников, которые представляли опасную силу;
- талибы вовсе не собирались отказываться от источника силы, каким представлялся пуштунский национализм, поэтому руководство «Талибана» отвергло пакистанское предложение о признании «линии Дюранда» в качестве межгосударственной границы.

Тем не менее Пакистан продолжал оказывать политическую, дипломатическую, экономическую и военную поддержку государству талибов — «Исламскому эмирату Афганистана». Только три государства — Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и сам Пакистан — официально признавали новое афганское государство.

Все международные связи «Исламского эмирата Афганистана» осуществлялись через Пакистан. Последний отстаивал интересы Кабула в различных международных организациях. Все важные сообщения из Афганистана передавались через пакистанские СМИ. Исламабад участвовал в организации многочисленных встреч представителей враждующих сторон, политических деятелей иностранных государств. Исламабад оказывал помощь ООН и ее специальному представителю в налаживании переговорного процесса по Афганистану. Пакистанское руководство приложило немало усилий по организации переговоров по формуле «6+2» (шесть граничащих с Афганистаном государств — Иран, Китай, Пакистан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан — и две великие державы — Россия и США). Естественно, действуя таким образом, Исламабад стремился, во-первых, обеспечить соблюдение собственных интересов в Афганистане и, во-вторых, повысить свою значимость на международной арене в связи с афганскими делами.

Однако эти цели не были достигнуты. После того как в 1998 г. Пакистан провел ядерные испытания, он оказался в международной изоляции. США вновь ввели против него санкции. Его также лишили полноправного членства в Британском Содружестве. Осложнились отношения не только с соседними Ираном и Индией, но и с бывшим стратегическим партнером — США. Этому способствовала своеобразная позиция Пакистана по проблеме присутствия международных террористов на территории Афганистана, прежде всего Усамы бен Ладена, которого та-

либы отказывались выдать США. Пакистан стремился дистанцироваться от этой проблемы, указывая, что это «внутреннее дело Афганистана». Тем самым он демонстрировал негласную поддержку международного терроризма.

Пакистан фактически превратился в страну-изгоя. Трудности такого положения создавали возможность будущего расхождения с «Талибаном». Благодаря им Пакистан был готов круто изменить курс после террористического акта в Нью-Йорке в сентябре 2001 г.

Исламабад и Кабул как члены антитеррористической коалиции

Изменение афганской политики Исламабада проходило крайне трудно, не без давления со стороны США. Началось с прекращения поставок в Афганистан горюче-смазочных материалов, транзитной торговли, замораживания банковских счетов талибских лидеров. Затем были перекрыты транспортные пути на границе с Афганистаном (насколько это было возможно в условиях сложного рельефа). Происходило свертывание дипломатических отношений Исламабада с правительством талибов. Пакистанское представительство в Кабуле было закрыто вскоре после событий 11 сентября 2001 г. Осенью 2001 г. прекратило свою деятельность посольство талибов в Пакистане. После падения Кабула в конце ноября 2001 г. Исламабад объявил о разрыве дипломатических отношений с режимом «Талибана» (Пакистан сделал этот шаг последним из трех государств, признававших правительство талибов). Новая дипломатическая миссия начала работу в Кабуле в январе 2002 г. Пакистанские консульства были открыты в Джалалабаде, Кандагаре, Мазари Шарифе.

Наладилось сотрудничество американских и пакистанских спецслужб. В начале 2002 г. имел место крупный успех их совместной акции — задержание в Пакистане второго по значению человека в «аль-Каиде» Абу Зубейды. Благодаря кооперации пакистанских и американских спецслужб удалось также арестовать Халида Шейха Мохаммада сначала в Карачи, а затем в Равалпинди (2002 и 2003 гг.), Рамзи бен аль-Шибха в Карачи (2002 г.) и др.

Пакистан предоставил США свободу действий в своем воздушном пространстве. Американцы получили во временное пользование четыре авиационные базы на пакистанской территории, что имело большое значение для США и их союзников. Вашингтон был удовлетворен действиями Пакистана в Афганистане. Уже в конце сентября 2001 г. Джордж Буш объявил о снятии санкций с Пакистана. Затем США отсрочили выплату процентов по пакистанскому внешнему долгу, предо-

ставили ряд льготных займов, открыли свои рынки для пакистанской продукции. Кроме экономической помощи в Пакистан стала поступать техника двойного назначения и некоторые виды оружия. В 2004 г. США предоставили Пакистану статус основного союзника вне НАТО.

Изменилось и внешнеполитическое положение Пакистана, который вышел из международной изоляции. Исламабад стал местом важных международных встреч. Первез Мушарраф сделался желанным гостем во многих столицах. За короткий срок он посетил многие страны включая Россию (в феврале 2003 г.). В 2002 г. Пакистан был избран непостоянным членом Совета Безопасности ООН. В начале 2004 г. он вновь стал полноправным членом Британского Содружества.

Пакистан и Афганистан проявили интерес к развитию двусторонних отношений сразу после формирования в Кабуле нового правительства во главе с Хамидом Карзаем. В феврале 2002 г. состоялся первый визит Карзая в Пакистан, а в самом начале апреля того же года последовал визит Мушаррафа в Афганистан. В ходе переговоров стороны подтвердили намерение не позволять использовать свои территории друг против друга. Были достигнуты соглашения о совместной борьбе с производством и сбытом наркотиков, а также с терроризмом. Стороны договорились о возобновлении транзитной торговли. По просьбе Кабула Исламабад согласился открыть для товаров, направляемых в Афганистан, порт Касим на побережье Аравийского моря, а также снизить транспортные пошлины для афганских товаров. Было принято решение восстановить основные наземные транспортные магистрали и воздушное сообщение. Важным было участие Пакистана в Международной конференции, которая завершилась 22 декабря 2002 г. принятием Кабульской декларации о добрососедских отношениях Афганистана и его соседей — Пакистана, Ирана, Китая, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана.

Между тем отношения между Пакистаном и Афганистаном далеко не безоблачны. В них существуют сложные проблемы. Главная из них — непризнание Кабулом «линии Дюранда». Есть и другие раздражители. Пакистан с большой опаской наблюдает за ростом влияния в Афганистане Индии. Последняя пользуется преимуществами перед Пакистаном не только экономического, но и политического порядка, поскольку всегда выступала против режима талибов и имела хорошие отношения с Северным альянсом. В Исламабаде можно услышать мнение, что Индия, пользуясь своими преимуществами, ведет в Афганистане антипакистанскую деятельность, а ее консульства во многих афганских городах являются форпостами такой деятельности. Правда, в частных беседах некоторые представители военного истеблишмента Пакистана отрицают наличие реальных причин для беспокойства относительно индийской активности в Афганистане.

Кабул, со своей стороны, обвиняет Исламабад в том, что нападения талибов на афганскую территорию осуществляются через «линию Дюранда», что талибы получают поддержку из северо-западных пуштунских районов Пакистана и там же скрывшиеся от правосудия талибы получают убежище, кров и пищу. Утверждается также, что именно в Пакистане находится лидер талибов мулла Омар.

Обнаружение и ликвидация Усамы бен Ладена в пакистанском городе Абботтабаде в мае 2012 г. только подкрепило обвинения Кабула. В лучшем случае этот факт стал неприятным сюрпризом для властей Пакистана, в худшем — изобличением Исламабада в двойной игре. С одной стороны, страна заявляет об участии в антитеррористической борьбе и больших потерях из-за этого участия, а с другой — на ее территории находят комфортный приют всемирно известные террористы. В такой обстановке любые случайные и ошибочные действия одной стороны рассматриваются другой стороной как преднамеренные и вызывают с ее стороны резкую реакцию.

В целом взаимодействие Афганистана и Пакистана осуществляется по четырем основным направлениям — борьба с наркобизнесом, экономическое сотрудничество, возвращение беженцев и военное взаимодействие в борьбе с терроризмом.

Результаты на первом направлении, пожалуй, самые неутешительные. И дело не только в отсутствии должного внимания, недостатке ресурсов, коррупции и т. д. Главное — эта проблема в условиях данного региона не решаема даже путем самого жестокого принуждения. Она по сути представляет собой экономическое явление, и преодолеть ее можно лишь посредством больших инвестиций в сельское хозяйство страны, что сделает более выгодным производство обычных культур. Пока же этого нет, и «южный поток» наркотиков из Афганистана к пакистанским морским портам остается серьезной опасностью для всего мира.

Экономическое сотрудничество развивается в целом успешно, но размеры его не очень значительны, что определяется ограниченными возможностями обеих стран. Значительным достижением в этой области стало подписание пакистано-афганского соглашения о транзитной торговле в октябре 2010 г., а также меморандума о взаимопонимании относительно создания пакистано-афганского железнодорожного сообщения в июле 2010 г. Но настоящим прорывом в этой сфере было бы сооружение отмеченных выше газовых и нефтяных магистралей. Их роль выходит далеко за экономические рамки, они существенно содействовали бы решению социально-политических проблем этих стран, укреплению межгосударственных связей в регионе.

Сравнительно успешно решается третья проблема — возвращение афганских беженцев на родину. Этому способствуют более стабильная

по сравнению с прошлым периодом обстановка в стране, материальная помощь мирового сообщества, реализация с 2002 г. программы ООН «Добровольная репатриация беженцев».

Разумеется, самой главной проблемой для Пакистана является его вовлеченность в военную сферу антитеррористической кампании в Афганистане. Как уже отмечалось, Пакистан пошел на широкое участие в этой сфере. Вся его военная деятельность была связана с другими участниками антитеррористической коалиции, но, естественно, ее сердцевину составляло сотрудничество с Афганистаном и США. Для координации деятельности, прежде всего военной, была создана трехсторонняя американо-афгано-пакистанская комиссия, которая обсуждала общую деятельность трех стран, текущие вопросы, проблемы материально-технического снабжения, проведения совместных операций, координации деятельности разведслужб и т. д.

Чтобы избежать пограничных конфликтов, в рамках трехсторонней комиссии была проведена работа по отработке лучшего взаимодействия в борьбе с передвижениями террористов в приграничных районах. В частности, представители трех стран посетили ряд пунктов на спорных участках по «линии Дюранда». Специалисты из США провели с помощью аппаратуры глобального позиционирования рекогносцировку на местности для фиксации точного местоположения пограничных постов и недопущения инцидентов, связанных с пересечением американскими войсками или самолетами пакистанской границы. На программу укрепления пограничной охраны Пакистана и усиления его правоохранительных органов США предоставили 73 млн долл. В ходе реализации программы Пакистану были переданы военно-транспортная техника, оборудование ближней и дальней связи, а также были направлены специалисты для обучения сотрудников местных спецслужб современным методам борьбы с терроризмом.

Соединенные Штаты включили широкую антитеррористическую помощь Пакистану сначала в стратегию «Бросок на Пакистан» («Surge Pakistan»), а затем в стратегию АФПАК, означавшую взаимозависимость проблем безопасности в Афганистане и Пакистане. В соответствии с этими стратегиями США начали наносить интенсивные удары по территории Пакистана с помощью беспилотных летательных аппаратов (БЛА).

Использование БЛА США над территорией Пакистана, вероятно, не может рассматриваться как грубое нарушение его суверенитета. Согласно сообщениям ряда СМИ, в январе 2008 г. прошла встреча президента Первеза Мушаррафа, начальника штаба Сухопутных войск Первеза Кийяни, директора национальной разведки США Майкла Макконнела и директора Центрального разведывательного управления Майкла Хайдена, на которой была достигнута договоренность о применении БЛА

США в воздушном пространстве Пакистана без предварительного согласования с властями страны⁶³.

После ухода Первеза Мушаррафа в 2008 г. США стали более активно применять БЛА против целей в Пакистане. В целом, согласно данным Бюро расследовательской журналистики, в 2004 г. был нанесен 1 удар с БЛА по территории Пакистана, в 2005 г. — 3, в 2006 г. — 3, в 2007 г. — 5, в 2008 г. — 38, в 2009 г. — 55, в 2010 г. — 128, в 2011 г. — 75, в 2012 г. — 48, в 2013 г. — 13⁶⁴. В результате всех 369 ударов погибло от 2500 до 3500 человек, в основном боевиков. Но среди погибших были и мирные жители. В среднем каждый 4-й погибший в результате ударов БЛА был мирным жителем, а каждый 18-й — ребенком. Их гибель всякий раз приводила к массовым протестам, питала антиамериканские настроения и заставляла некоторых пакистанцев присоединяться к боевикам.

Победа ПМЛ(Н) на выборах 2013 г., очевидно, повлияет на масштабы применения БЛА США над территорией Пакистана, однако не столь радикально, как хотели бы некоторые политики. Например, после убийства Вали ур-Рахмана, второго человека в иерархии пакистанских талибов, в мае 2013 г. лидер ПТИ Имран Хан заявил, что новый премьер-министр должен остановить вторжение БЛА в воздушное пространство страны⁶⁵. Однако сам Наваз Шариф пока ограничивается выступлениями против использования БЛА, не предпринимая активных шагов. Некоторые его оппоненты считают, что премьер-министр сможет снизить посредством переговоров с США количество ударов БЛА по территории Пакистана, но не до нуля⁶⁶.

Влияние афганской проблемы на безопасность в Пакистане

Некоторые эксперты считают, что поскольку Пакистан связывает свои ключевые интересы в Афганистане непосредственно с индийско-пакистанским противостоянием, он пытается рассматривать проблемы в Афганистане сквозь призму данного конфликта. Это довольно узкий взгляд на ситуацию. Он не учитывает попытки политического руководства Пакистана нормализовать отношения с Афганистаном и Индией. Кроме того, при таком подходе игнорируются тяжелые потери, которые несет Пакистан в связи с войной против терроризма. По официальным данным, с 2001 г. по настоящее время в провинции Хайбер Пахтунхва и ТПФУ погибло около 49 тыс. человек в связи с участием Пакистана в антитеррористической кампании, из них 15,7 тыс. военнослужащих⁶⁷. Трудно представить цели, достигнутые Пакистаном в противостоянии с Индией, которые оправдывали бы такие потери.

Война в Афганистане способствует росту в Пакистане числа сторонников радикальных, экстремистских и террористических организаций, что несет угрозу институтам власти. Это дает право некоторым аналитикам говорить о возможности превращения Пакистана в исламистское государство (см., например, мнение одного из разработчиков стратегии АФПАК Брюса Ридела⁶⁸). Конечно, эта угроза не настолько реальна, как представляется, однако полностью ее игнорировать не следует. Пугающим симптомом негативного развития в Пакистане является активизация и трансформация террористической деятельности, произошедшая в середине первого десятилетия XXI в.

Активизация террористов началась в Белуджистане, Хайбер Пахтунхва и ТПФУ под непосредственным влиянием событий в Афганистане. Затем она произошла и в других частях Пакистана. В определенной степени этому способствовали события 2007 г., связанные с «Лал Масджид» («Красной мечетью») в Исламабаде. В течение многих месяцев в столице страны длилась эпопея, в ходе которой шли переговоры между властями и засевшими в мечети сторонниками радикальных действий в духе талибской полиции нравов. Достигнутые договоренности тут же нарушались, происходили перестрелки, захватывались заложники, в том числе иностранные. Все это закончилось введением комендантского часа и, наконец, кровопролитным штурмом мечети 10—11 июля. Абдул Рашид Гази, глава этой мечети, убитый во время штурма, за несколько месяцев до этого сказал в интервью российскому журналисту, на котором присутствовал один из авторов этих строк: «Наши жизни и есть наше оружие». Он надеялся, что пример «Лал Масджид» станет искрой для общепакистанского движения исламистов⁶⁹.

С одной стороны, его надежды не оправдались. Практически нигде за исключением северо-запада не была проявлена солидарность с повстанцами. Еще раз подтвердилось, что большинство пакистанцев не поддерживают такого рода действия. С другой стороны, после событий лета 2007 г. радикальное меньшинство стало более агрессивно действовать против властей, силовиков и гражданского населения. Именно в 2007 г. не без влияния «Лал Масджид» произошли следующие изменения в террористической активности:

- Если до штурма мятежной мечети основные теракты происходили в Белуджистане, Хайбер Пахтунхва и ТПФУ, то после него террористы, использующие в ряде случаев бывших студентов медресе при этой мечети, развили активность в Исламабаде, Панджабе и Синде. Именно в панджабском «городе-гарнизоне» Равалпинди 27 декабря 2007 г. была убита Беназир Бхутто.
- В 2007 г. в Пакистане распространилась такая форма терроризма, как атаки смертников, которые до этого были не характерны

для страны: за 2007 г. было совершено 57 таких атак против 6 в 2006 г. и 22 в 2002—2006 гг. А в 2008—2013 гг. общее количество акций смертников достигло 235 ⁷⁰. Впервые в истории страны был зафиксирован теракт с участием смертницы (4 декабря 2008 г., Пешавар). Распространенным стало участие в терактах подростков, которые начали проводить «спонтанные» теракты без видимого руководства со стороны террористических организаций (или со слабо заметными контактами), что сделало такие теракты крайне тяжелыми для предотвращения ⁷¹.

Эти особенности отразились на территориальной организации талибов. Обычно центром афганских талибов и международных террористов в Пакистане считалась Кветта, главный город провинции Белуджистан. Согласно докладу бывшего командующего американскими вооруженными силами в Афганистане Стэнли Маккрисла, в Кветте был сформирован совет, состоящий из 15 человек во главе с муллой Омаром, лидером «Талибана», — «Кветтская шура». Этот совет, по словам генерала, управлял военными операциями талибов на территории Афганистана ⁷².

Однако география арестов показала, что большинство лидеров «Талибана» и «аль-Каиды» были задержаны в Карачи, главном городе провинции Синда, который одновременно является финансовой столицей, главным портом и пуштунским эксклавом Пакистана. Очевидно, именно сюда переместились основные лидеры афганских талибов, о чем свидетельствуют аресты в 2010—2011 гг. не только муллы Абдуллы Гхани Барадара, заместителя муллы Омара, но и маулви Абдула Кабира, теневого губернатора афганской провинции Нангархар, муллы Мухаммада Хассана, бывшего министра иностранных дел талибского режима, муллы Абдула Кайюма Закира, отвечавшего за вооруженные действия талибской милиции, муллы Абдула Рауфа, бывшего руководителя северо-восточного оперативного командования «Талибана», муллы Ахмада Джан Ахундзады, бывшего губернатора афганской провинции Забул, муллы Мухаммада Юниса, бывшего командира кабульской полиции. Эти аресты позволяют считать, что «Карачинская шура» уже превосходит «Кветтскую шуру» по значению, если не заменяет ее вовсе ⁷³.

В Пакистане талибы перешли к более активным действиям. В ряде районов провинции Хайбер Пахтунхва и ТПФУ они сумели создать параллельные органы власти, устранив террористическими методами соперников в племенной иерархии. В середине первой декады XXI в. в Пакистане сформировалось собственное движение талибов — ТТП.

В начале 2009 г. это движение попыталось укрепить свои позиции, воспользовавшись переходным периодом, связанным с падением режима Первеза Мушаррафа. Новый президент Асиф Али Зардари, за-

ручившись поддержкой основных политических сил, принял решение о мирном соглашении с талибами в долине Сват⁷⁴, что означало введение законов шариата в этой области (одновременно Верховный суд освободил из-под стражи радикального религиозного лидера Абдул Азиза, открыто выступавшего за превращение страны в «истинно исламское государство»). Однако пакистанские талибы, предсказуемо воспринявшие это соглашение как признак слабости центральной власти, в апреле 2009 г. захватили соседний округ Бунер. Они пытались расширить зону контроля, изгоняя из захваченных населенных пунктов гражданскую администрацию и уничтожая племенных лидеров.

Вооруженные силы Пакистана при разведывательной и авиационной поддержке США развернули широкомасштабную операцию, результатом которой стало вытеснение талибов из Свата и Бунера и перенос военных действий к границе с Афганистаном — в ТПФУ. Было уничтожено более тысячи экстремистов включая Бейтуллу Масуда, лидера ТТП. Благодаря этой операции к осени 2009 г. была значительно сужена база талибов в Пакистане, что оказало положительное влияние на ситуацию в соседнем Афганистане. Возможно, 2009 г. стал наиболее тяжелым с точки зрения людских потерь за все время участия Пакистана в антитеррористических усилиях⁷⁵.

Обобщая, можно выделить ближайшие конкретные цели политики Пакистана на афганском направлении:

- снижение террористической угрозы для мирных граждан, государственных учреждений, военнослужащих;
- нормализация ситуации в приграничных районах, которая позволила бы, сократив там численность военной группировки, вернуть военных на места их постоянной дислокации;
- улучшение ситуации в Афганистане настолько, чтобы в эту страну смогли вернуться беженцы;
- ликвидация в экономике негативных последствий влияния «афганской проблемы».

Стабилизация ситуации в Афганистане представляется в Пакистане осуществимой только при его непосредственном участии в этом процессе и включении в него так называемых умеренных талибов. В последнее время Пакистан ощущает, что его участие в афганских делах ограничивается западными странами, иллюстрацией чего стало решение НАТО не приглашать пакистанских представителей на Лиссабонский саммит 2010 г. Вместо них приняли участие представители ОАЭ. Шейх Абдалла бен Заед аль-Нахайян, министр иностранных дел этой страны, заявил на саммите о текущих переговорах между ОАЭ и талибами⁷⁶. Таким образом, Пакистан теряет монополию на посредничество между талибами, с одной стороны, и США и НАТО — с другой.

Данные сигналы служат основой беспокойства Пакистана, опасаящегося игнорирования его интересов в процессе стабилизации ситуации в Афганистане. От того, какую политику изберет Пакистан в данных условиях — помощь международным усилиям в Афганистане или препятствование им, — зависит не только успех этих усилий, но и развитие пакистано-афганских отношений в будущем.

Несколько лет назад в политических кругах России бытовало мнение, что Пакистан входит в сферу интересов США и Китая, а также государств Персидского залива, и даже в случае серьезных угроз для безопасности Пакистана негативные последствия возникли бы для его близких партнеров и соседей, но не для России. Казалось, что Россия не испытывала большого интереса к развитию отношений с Пакистаном, которые не только не сулили быстрых и значительных доходов государственным корпорациям, но и, более того, могли нанести вред выгодным отношениям с Индией. Пакистанские критики южноазиатской политики России говорили даже, что она смотрит на регион через «индийские очки».

Время показало, что, во-первых, Пакистан фактически является соседом России и, во-вторых, если на ком-то в Москве и есть «индийские очки», не это определяет ее политику в Южной Азии.

**НЕРЮНГРИ — ХАРОТАБАД:
ТРАНСГРАНИЧНЫЕ
УГРОЗЫ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Яркий пример того, что Россия не сможет остаться в стороне от проблем Пакистана, — убийство сотрудниками полиции и пограничного корпуса четырех россиян и одного таджика, которое произошло 17 мая 2012 г. в Харотабаде, городе восточной провинции Белуджистан. Среди убитых была Ольга Шредер родом из Нерюнгри (Якутия). В результате расследования стало известно, что пакистанские силовики предприняли «чрезмерные действия», поскольку от убитых не исходила явная угроза. Тем не менее результаты расследования показали, что уничтоженная группа незаконно проникла на территорию Пакистана со стороны Ирана, возможно, для прохождения подготовки в террористических лагерях⁷⁷.

Если участие этой группы не было замечено в террористических актах на территории Пакистана, некоторые другие наши соотечественники и граждане стран — членов СНГ, включая несовершеннолетних, могут участвовать в террористической деятельности на территории Пакистана или проходить подготовку в тренировочных лагерях или религиозных школах. Трудно определить количество таких людей. Приходится полагаться на неполные данные.

По словам Тарика Хайята, секретаря по правопорядку в ТПФУ, в 2009 г. в одном только Южном Вазиристане, входящим в эту территорию, было около 1,5 тыс. иностранцев, в том числе чеченцев, узбеков, арабов и суданцев⁷⁸. За прошедшее время ситуация вряд ли изменилась к лучшему, о чем свидетельствуют события, произошедшие в марте 2013 г. в долине Тира (Северный Вазиристан, входящий в ТПФУ). В этом месяце ТТП получила контроль над большей частью долины в результате боев. На стороне талибов воевали, по некоторым данным, до 3 тыс. иностранцев, преимущественно узбеков и чеченцев⁷⁹.

Официальные данные о численности иностранцев в религиозных школах на первый взгляд являются более точными. По данным Министерства внутренних дел, в сентябре 2012 г. в таких школах было 2673 иностранных учащихся, из которых 43% имели афганское гражданство. Остальные — представители Китая, Нидерландов, России, Туниса, Турции, Уганды, Шри Ланки и т. д.⁸⁰ Однако эти цифры могут не отражать действительную ситуацию, поскольку основаны на информации о зарегистрированных медресе, которых насчитывается по разным оценкам от 24 до почти 30 тыс.⁸¹ Количество незарегистрированных медресе может составлять по неофициальным оценкам от 15 до 25 и даже до 40 тыс. При таком разбросе цифр трудно даже предположить, сколько в них учится граждан России и стран — членов СНГ.

Если иностранцы, прошедшие подготовку в тренировочных лагерях, несомненно, относятся к группе потенциальных террористов, представляющих опасность для Пакистана и других государств, то иностранные выпускники пакистанских медресе могут и не представлять такую опасность. Тем не менее внимание служб безопасности к их деятельности после окончания религиозных школ в Пакистане и возвращения на родину не должно ослабевать.

События в Харотабаде показали, что между сторонниками радикальной идеологии в России и Пакистане существуют контакты, хотя, как видится, это еще не масштабное взаимодействие террористов двух стран. Проблема осложняется тем, что Россия является страной, не только испытывающей на себе деятельность террористов, но и являющейся перевалочным пунктом террористов, перемещающихся из Южной Азии в Западную Европу. Соответственно организованная преступность, свя-

занная с незаконной миграцией, объединяет территории от Пакистана и других стран Азии до России и стран Запада.

По словам бывшего начальника отдела Центра общественных связей Федеральной службы безопасности России Александра Мурашова, десять лет назад поток незаконной миграции через Россию состоял в основном из представителей Афганистана, Бангладеш, Индии, Китая, Пакистана и Шри-Ланки. По его оценкам, правоохранительным органам удавалось сдерживать 80% этого потока⁸². В оставшиеся 20% могли входить не только трудовые мигранты, но и террористы.

Связи преступного бизнеса и терроризма затрудняют борьбу с вызовами национальной безопасности, поскольку благодаря этим связям терроризм получает дополнительные мобильность и ресурсы, а это в значительной степени трансформирует террористическую угрозу. Исследование Эммы Белчер из американского Совета по международным отношениям показывает на примере постсоветского пространства, как контрабандные схемы могут использоваться потенциальными террористами для перевозки ядерных материалов и технологий, необходимых для организации актов с катастрофическими последствиями⁸³.

Судя по объемам наркотиков, ввозимых в Россию из Афганистана, эти схемы в настоящее время не сильно страдают от действий правоохранительных органов России и государств Центральной Азии и, следовательно, могут представляться перспективными для террористов из афганско-пакистанского приграничья. Эта возможность побуждает российские власти более внимательно относиться к проблеме сохранности ядерных материалов и технологий на территории Пакистана, поскольку любая их утечка может повысить угрозу ядерного терроризма в России.

В середине прошлого десятилетия Пакистан предпринял серьезные меры по укреплению национальной ядерной безопасности. Помимо масштабных организационно-технических мероприятий, охвативших весь ядерный комплекс, был введен обязательный мониторинг персонала. Казалось, угрозы утраты контроля над ядерными оружием, материалами и технологиями и попадания их в руки террористов полностью исключены.

Однако громкое убийство, произошедшее в Исламабаде 4 января 2011 г., показало, что эти угрозы могут быть реальными и ныне. Тогда Салман Тасир, губернатор провинции Пенджаб, был застрелен собственным охранником, служившим в элитном подразделении, сотрудники которого должны проходить регулярные проверки на благонадежность. По итогам такой проверки в дело этого охранника была внесена характеристика «угроза для безопасности» очень важных персон. Несмотря на это, он продолжал служить до самого убийства. Означает ли это, что командиры подразделения проявили преступную халатность или созна-

тельно позволили реализоваться выявленной угрозе, вряд ли станет известно. Точно так же человеческий фактор способен свести на нет усилия Пакистана по повышению ядерной безопасности, что будет иметь непосредственное отношение к безопасности России.

Угрозы терроризма, организованной преступности, незаконного производства и оборота наркотиков и проблемы ядерной безопасности в Пакистане вводят эту страну в сферу долгосрочного внимания России.

МЕСТО ПАКИСТАНА В ЮЖНОАЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

В России принято несколько доктринальных документов, в которых заметное место занимают страны Южной Азии, прежде всего Индия, Афганистан и Пакистан. Из «Концепции внешней политики Российской Федерации», утвержденной в 2013 г., видно, что отношения с этими государствами представляют собой самостоятельные, иногда взаимосвязанные направления внешней политики, которые, однако, не встроены в единую региональную стратегию.

Так, Россия намерена продолжить «углубление привилегированного стратегического партнерства с Индией». В отношении Афганистана Россия во взаимодействии с ним, «другими заинтересованными государствами, ООН, СНГ, ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности. — *Авт.*), ШОС и иными многосторонними институтами, в том числе в рамках проектов по линии Россия-НАТО, будет прилагать последовательные усилия в целях достижения прочного и справедливого политического урегулирования проблем этой страны при уважении прав и интересов всех населяющих ее этнических групп, постконфликтного восстановления Афганистана в качестве суверенного, миролюбивого, нейтрального государства с устойчивой экономикой»⁸⁴.

В «Концепции...» 2013 г. Пакистан не упоминается, хотя в предыдущем аналогичном документе, принятом в 2008 г., декларировалось намерение развивать отношения с «Пакистаном и другими ведущими региональными государствами»⁸⁵. Свидетельствует ли это о снижении внимания со стороны официальной Москвы? На этот вопрос пока трудно ответить, поскольку «Концепция...» 2013 г. является не обязательным к исполнению нормативно-правовым актом, а, как написано в самом документе, «системой взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешнеполитической деятельности Российской Федерации». Поэтому на основе ее анализа можно строить предположения о корректировке взглядов политического руководства

на Пакистан, но нельзя сделать заключение об изменении внешней политики России в отношении этого государства.

Подходы России к Южной Азии и близлежащим регионам описываются также в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» и «Морской доктрине Российской Федерации на период до 2020 года». В «Стратегии национальной безопасности...» указывается, что негативное воздействие на международную обстановку в среднесрочной перспективе будут оказывать, в частности, ситуация в Афганистане и конфликты в ряде стран Южной Азии⁸⁶. В «Морской доктрине...» сказано, что Россия заинтересована в «проведении целенаправленного курса на превращение Индийского океана в зону мира, стабильности и добрососедства, обеспечении на периодической основе военно-морского присутствия Российской Федерации в Индийском океане»⁸⁷.

Представление о политике России в регионе Южной Азии дополняет программная статья Владимира Путина «Россия и меняющийся мир», опубликованная в феврале 2012 г. В ней утверждается, что Россия — это «неотъемлемая, органичная часть Большой Европы», которая стремится воспользоваться ростом Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности Китая и Индии. В отличие от Китая, место которого в политике России подробно описано в статье, Индии посвящены всего два предложения, а Пакистан не упомянут вовсе. Что касается Афганистана, обращает на себя внимание следующий нюанс. Автор называет терроризм и «героиную агрессию» главными угрозами с территории Афганистана, однако, когда пишет об интересах России в этом государстве, не упоминает антитеррористическую борьбу. По словам Путина, интересы России заключаются в стабильном и мирном развитии Афганистана и борьбе с нелегальным оборотом наркотиков⁸⁸.

В целом политические декларации позволяют сделать следующие обобщения о месте Южной Азии во внешней политике России:

- как минимум на десятилетнюю перспективу регион является источником таких угроз для безопасности России, как политическая нестабильность, межгосударственные конфликты, угрозы распространения терроризма и наркотиков;
- отвечая на данные угрозы, Россия намерена развивать двусторонние отношения с южноазиатскими странами и активно участвовать в различных многосторонних политических форматах;
- Южная Азия воспринимается также как регион, в котором происходят интеграционные процессы, представляющие интерес для России и ее экономики (главным локомотивом роста в Южной Азии считается Индия);
- Россия имеет ясные приоритеты в Южной Азии: Индия — привилегированный стратегический партнер, Афганистан — близкий

сосед, Пакистан — ведущая региональная держава, чье место в российской внешней политике подобно месту Турции, Египта, Алжира, Ирана, Саудовской Аравии и т. д.

Подготовка к парированию региональных угроз безопасности военными средствами планируется на трех направлениях:

- Россия намерена обеспечить адекватное присутствие вооруженных сил на южном направлении, относящемся к зоне ответственности созданного в 2010 г. оперативно-стратегического командования «Юг»;
- Военно-морские силы России будут присутствовать в Индийском океане на периодической основе, очевидно, за счет Черноморского флота, который в 2010 г. вошел в состав оперативно-стратегического командования «Юг»⁸⁹;
- Согласно «Военной доктрине Российской Федерации» 2010 г. выделяются «воинские контингенты в состав Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ в целях оперативного реагирования на военные угрозы государствам — членам ОДКБ и решения иных задач, определенных Советом коллективной безопасности ОДКБ, для их применения в порядке, предусмотренном Соглашением о порядке оперативного развертывания, применения и всестороннего обеспечения Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности»⁹⁰.

Если судить по декларативным документам, такую политику проводит Россия в Южной Азии. Насколько это соответствует практике, показывают конкретные примеры из отношений России с Пакистаном.

ВОЗМОЖНОСТИ И ТРУДНОСТИ РОССИЙСКО- ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Россия осознает повышение уровня угроз, исходящих из Пакистана. Об этом, в частности, свидетельствует создание совместных рабочих групп по противодействию международному терроризму (2002 г.) и по стратегической стабильности (2003 г.), встречи которых проводятся на регулярной основе.

В этом же контексте следует рассматривать «душанбинскую четверку», в рамках которой прошли встречи лидеров Афганистана, Пакистана, России и Таджикистана на высшем уровне в Душанбе (2009 г.,

2011 г.) и Сочи (2010 г.) и на высоком уровне в Нью-Йорке (2010 г.) и Триесте (2009 г., еще без Таджикистана).

По итогам встречи в Сочи 18 августа 2010 г. было принято совместное заявление четырех президентов, в котором отмечалась важность регионального сотрудничества по содействию стабилизации обстановки в регионе, в том числе с использованием возможностей регионального сотрудничества, имеющихся в рамках существующих международных и региональных структур включая ШОС, в таких сферах, как борьба с терроризмом и наркотиками. В заявлении лидеры четырех стран призвали активнее использовать потенциал Региональной антитеррористической структуры ШОС. Также была выражена готовность продолжать активное участие в реализации положений «Плана действий государств — членов ШОС и Афганистана по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью», принятого на специальной конференции по Афганистану под эгидой ШОС в Москве 27 марта 2009 г.

Благодаря учащению контактов в рамках «Душанбинской четверки» Пакистан смог более активно участвовать в работе ШОС по укреплению региональной безопасности. Однако за восемь лет, прошедших со времени приобретения статуса наблюдателя в ШОС, Пакистан добился ограниченных успехов в развитии отношений с организацией. Государство, обладающее таким статусом, имеет право присутствовать на открытых заседаниях Совета министров иностранных дел государств — членов ШОС и совещаниях руководителей министерств и/или ведомств этих государств, участвовать без права голоса в обсуждении вопросов, входящих в компетенцию организации, получать доступ к документам ШОС, если на их распространение не наложены ограничения. Государство-наблюдатель не может участвовать в подготовке и подписании документов организации и выработке ее решений⁹¹.

Как видится, позитивные шаги в развитии пакистано-российских отношений будут иметь положительный результат на уровне не только двусторонних, но и многосторонних отношений. Россия может использовать отношения с Пакистаном для усиления своих позиций на мировой арене. Например, «душанбинская четверка», включающая двух членов и двух наблюдателей ШОС, позволяет России укрепить положение в организации. Нельзя в этой связи не отметить возможность для России вступить в качестве наблюдателя в ряд международных организаций, где участвует Пакистан. Россия в свое время выступила в поддержку желания Пакистана вступить в ШОС в качестве наблюдателя. Пакистан, со своей стороны, поддержал российское намерение вступить в Организацию «Исламская конференция» (так до 2011 г. называлась ОИС), и это было осуществлено. Ныне Россия — наблюдатель

в ОИС. Нет существенных препятствий для вступления нашей страны в качестве наблюдателя в такую организацию, как СААРК.

Однако следует иметь в виду, что реализация российских интересов в процессе расширения отношений с Пакистаном может быть ограничена из-за следующих факторов:

- развития российско-индийских связей;
- возможности ухудшения ситуации в Пакистане (и Афганистане).

Первое ограничение обусловлено боязнью навредить связям с Индией. Существуют опасения, что Нью-Дели способен приостановить реализацию каких-нибудь проектов с любым государством, в том числе и Россией, в ответ на заключение им соглашения с Пакистаном, которое, по мнению руководства Индии, могло бы негативно сказаться на балансе сил в регионе. Эти опасения основаны на предположении, что индийцы крайне негативно отнеслись бы к развитию военно-технического сотрудничества Москвы с Исламабадом, особенно в таких областях, как ракетное оружие, ударная авиация, средства противовоздушной обороны, подводные лодки и т. д.

В принципе Россия не планирует налаживать сотрудничество с Пакистаном в тех областях, которые могли бы вызвать раздражение Индии. Но есть исключения. В 2007 г. в Пакистан поступила первая партия китайско-пакистанских истребителей «JF-17 Thunder» (в настоящее время ВВС Пакистана имеют уже 40 истребителей этого класса). Они оснащаются российскими двигателями РД-93 в соответствии с российско-китайским контрактом на поставку 100 двигателей с возможностью дополнительной поставки еще 400 двигателей⁹². Некоторые индийские авторы уверены, что такие истребители можно использовать в качестве носителей ядерного оружия⁹³.

Более того, некоторые российские эксперты считают, что Россия могла бы начать поставки в Пакистан истребителей МиГ-35⁹⁴. В подтверждение приводится пример США и Франции, которые наладили широкое военно-техническое сотрудничество как с Индией, так и с Пакистаном. Но и сама Россия может быть показательным примером, поскольку она одновременно экспортирует современные вооружения и военную технику в Индию и Китай, отношения между которыми омрачены пограничным спором и глубоким недоверием.

Несмотря на приведенные оговорки, боязнь навредить российско-индийским отношениям остается фактором, влияющим на контакты между Москвой и Исламабадом. Именно этим можно объяснить по сути срыв очередного саммита «душанбинской четверки» в Пакистане в октябре 2012 г. из-за решения Владимира Путина не приезжать в Пакистан, не побывав сначала в Индии. Сергей Лавров объяснил тогда, что в этом решении не было никакого «послания», а пресс-секретарь пре-

зидента Дмитрий Песков вообще отверг наличие у своего начальника планов посетить Пакистан в это время⁹⁵. Однако Исламабад, который до последнего момента имел все основания ожидать данного визита, увидел в этом решении явный сигнал, который был адресован не только пакистанцам, но и индийцам.

Развитие отношений с Пакистаном сдерживается негативным опытом советско-пакистанских связей, переживших два глубоких кризиса — в 1960 г., когда с территории Пакистана взлетел американский самолет-разведчик U-2, сбитый вскоре после этого над территорией СССР, и в 1979—1989 гг., когда в Афганистане находился ограниченный контингент советских войск, против которого велась вооруженная борьба при поддержке Пакистана и других государств. Поскольку война в Афганистане коснулась прямо и опосредованно многих из тех, кто сейчас занимает средние и высшие посты в силовых ведомствах России, естественно ожидать от них нежелания идти на сближение с Пакистаном.

Углубление существующих контактов между представителями силовых ведомств на двусторонней и многосторонней основе способствовало бы укреплению взаимного доверия между Россией и Пакистаном. В этой связи немаловажную роль играет работа по установлению мест захоронений на территории Пакистана погибших советских военнослужащих, а также розыску без вести пропавших. В настоящее время такую работу ведет Комитет по делам воинов-интернационалистов при Совете глав правительств государств — участников СНГ, испытывающий постоянные трудности с финансированием⁹⁶. Обмен информацией между Россией и Пакистаном о событиях 1979—1989 гг., например, в рамках совместного исследовательского проекта, поддержанного властями обеих стран, помог бы наконец поставить точку в истории необъявленной войны, которую СССР и Пакистан фактически вели в те годы.

Что касается негативных сценариев развития ситуации в Пакистане (и Афганистане), то возможность их реализации мешает началу долгосрочных проектов, поскольку сегодняшние инвесторы из России не уверены, что власти Пакистана (и Афганистана) смогут защитить их вложения⁹⁷. Неудачное участие Магнитогорского металлургического комбината в приватизации предприятия «Пакистан Стил Миллз» в 2006 г. преподало запоминающийся урок: даже полная поддержка председателя правительства не спасла сделку⁹⁸. Понятно также нежелание российских компаний направлять в длительные командировки в Пакистан (и Афганистан) своих сотрудников, которые могут подвергнуться террористическим атакам.

Поскольку для России важны стабилизация обстановки в Пакистане (и Афганистане) и укрепление региональной безопасности к югу от ее границ, она не может не быть заинтересована в развитии инфраструк-

турных проектов, которые будут способствовать безопасности и стабилизации обстановки в Пакистане (и Афганистане), например, в сферах транспорта и энергетики. Успешное развитие таких проектов возможно только в том случае, если Россия получит гарантии, что будут надежно обеспечены безопасность специалистов и защита инвестиций в долгосрочной перспективе.

В целом российско-пакистанские инфраструктурные проекты не должны встречать критику со стороны третьих стран. Хотя, например, если Россия будет участвовать в модернизации и развитии железнодорожного транспорта Пакистана, Индия может истолковать это как помощь в повышении мобильности пакистанских вооруженных сил. Чтобы не дать индийским подозрениям, вызванным российско-пакистанскими проектами, негативно влиять на отношения между Москвой и Нью-Дели, необходимо обеспечивать транспарентность таких проектов настолько, насколько это будет приемлемо для Пакистана.

ОТ ДИАЛОГА К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ОБЛАСТИ МИРНОГО АТОМА

Отдельно стоит вопрос о возможности сотрудничества России с Пакистаном в области атомной энергетики. В настоящее время эта возможность видится крайне сомнительной. Но рассмотрение данного вопроса представляется полезным по нескольким причинам.

Во-первых, оценки перспектив такого сотрудничества между Россией и Пакистаном позволят получить ясное представление об уровне доверия и реальных пределах сближения двух стран (возможные цели российско-пакистанского сближения в области атомной энергетики изложены ниже).

Во-вторых, острый дефицит электроэнергии побуждает Пакистан официально и неофициально обращаться к ряду стран, включая Россию, с предложениями о ядерном сотрудничестве. Только около 20% энергоресурсов Пакистана добывается на его территории. Использование гидроэлектростанции в Тарбеле (Хайбер Пахтунхва), крупнейшей в стране, затрудняется многолетним спором с Индией о разделе водных ресурсов реки Инд. Перепады в объеме осадков влияют на мощность ГЭС, заставляя власти жестко экономить электроэнергию во время засухи.

Как считают некоторые авторы, дефицит электроэнергии в большей степени обусловлен проблемами энергетической политики властей, а не природно-экономическими факторами⁹⁹. Поэтому представляется целе-

сообразным рассматривать развитие атомной энергетики лишь как элемент комплекса долгосрочных мер, направленных на улучшение ситуации в энергетическом секторе Пакистана.

В-третьих, вопрос ядерного сотрудничества с Пакистаном затрагивает проблемы режима ядерного нераспространения, внимание к которым возросло в связи изменениями статуса Индии. В 2008 г. Индия добилась снятия ограничений на ядерное сотрудничество в Группе ядерных поставщиков (ГЯП). Напомним: ГЯП была создана в ответ на так называемый мирный ядерный взрыв, произведенный Индией в 1974 г. на основе технологий, полученных в рамках ее сотрудничества с США (соглашение 1961 г.) и Канадой (1971 г.).

Поскольку Пакистан уверен, что находится в той же ситуации, что и Индия (ядерное государство, не входящее в Договор о нераспространении ядерного оружия — ДНЯО), для него справедливым представляется получение такого же статуса. Россия, одновременно выступающая в качестве последовательного члена режима ядерного нераспространения и сторонника снятия ограничений с Индии, не может игнорировать проблему Пакистана, поскольку ее решение повлияет не только на развитие ядерного сотрудничества с Индией, но и на сохранение режима ядерного нераспространения.

В российском журнале «Ядерный клуб» была опубликована статья «Есть ли будущее у американо-пакистанского сотрудничества в области атомной энергетики?», которая завершается выводом: широкое сотрудничество между Пакистаном и США в данной области маловероятно, так как оно не будет способствовать укреплению международной безопасности¹⁰⁰. В подтверждение этого вывода автор статьи приводит доводы за и против. Развитие сотрудничества помогло бы США достичь двух целей:

- преодолеть взаимное недоверие, что, в свою очередь, способствовало бы решению задач в регионе, например, стабилизировать ситуацию в Афганистане;
- укрепить режим ядерного нераспространения путем увязывания любых договоренностей с Пакистаном с взятием им обязательств по нераспространению.

Однако, по мнению автора, доводы против ядерного сотрудничества с Пакистаном заставляют усомниться в его возможности. Он полагает, что Пакистан не демонстрирует готовности предоставлять полную информацию о предыдущих нарушениях режима нераспространения и последовательно бороться с террористами на своей территории. Трудно ожидать от нестабильного правительства этой страны строгой приверженности любым договоренностям. Поэтому американо-пакистанское соглашение о сотрудничестве в области мирного атома вряд ли найдет поддержку у американских законодателей. Сомнительно также, что

другие страны, являющиеся участниками режима нераспространения, положительно отнесутся к такому соглашению.

По прочтении данной статьи напрашивается очевидный вывод: если США, ближайший стратегический партнер Пакистана на Западе, не готовы развивать с ним широкое ядерное сотрудничество, то Россия, исторически имеющая непростые отношения с Пакистаном, тем более не должна быть заинтересована в развитии с ним ядерной кооперации. Однако необходимо сделать несколько принципиальных уточнений, которые позволят увидеть возможности если не для сотрудничества России и Пакистана, то для их диалога в области атомной энергетики.

Во-первых, несмотря на заявления официального Вашингтона об отсутствии ядерной кооперации с Исламабадом¹⁰¹, непубличные контакты в этой области все же осуществляются. Об этом свидетельствуют высказывания, сделанные в личных беседах с одним автором этих строк представителями Белого дома, Государственного департамента и военных ведомств США в 2008—2012 гг. Такие контакты интенсифицировались после 2001 г., когда Пакистан стал для США основным союзником вне НАТО. Они касаются прежде всего безопасности ядерных объектов. По данным газеты «Нью-Йорк таймс», в 2001—2007 гг. США потратили на помощь Пакистану в области ядерной безопасности около 100 млн долл.¹⁰²

Во-вторых, не все американские эксперты разделяют взгляды, представленные в этой статье. Например, Майкл О'Хэнлон, директор по науке Института Брукингса, рекомендовал в аналитической записке, изданной в феврале 2011 г., предложить Пакистану ядерную сделку наподобие той, которая была заключена с Индией в 2008 г. По его мнению, Пакистан достиг серьезных успехов в повышении ядерной безопасности и укреплении экспортного контроля, поэтому развитие сотрудничества в области атомной энергетики между США и Пакистаном не будет угрожать режиму ядерного нераспространения. Как считает О'Хэнлон, возможность такого сотрудничества возрастет, если Пакистан будет строго придерживаться моратория на производство расщепляющихся материалов в военных целях¹⁰³. В статье, опубликованной в апреле 2013 г. в журнале «Time», авторитетная исследовательница Пакистана Кристин Фэр подчеркнула, что если США хотят использовать последний шанс спасти отношения с Пакистаном, они должны предложить ему сделку в области мирного использования атомной энергии¹⁰⁴.

В-третьих, пример 25-летнего китайско-пакистанского ядерного сотрудничества демонстрирует возможности, которые существуют в этой области, несмотря на ограничения, связанные с нахождением Пакистана вне режима ядерного нераспространения. В 1986 г. два государства заключили соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, после чего были подписаны контракты 1991,

2004 и 2010 гг. о поставке в целом четырех легководных ядерных реакторов и строительстве объектов атомной электростанции в Чашме. Пуски в эксплуатацию первых двух реакторов совокупной мощностью 600 МВт произошли в 2000 и 2011 гг. соответственно. Пуск еще двух реакторов общей мощностью 680 МВт запланирован на 2018 г.

Китай развивает ядерное сотрудничество с Пакистаном, несмотря на ограничения ГЯП. Пекин не принимает обвинений в нарушении обязательств перед ГЯП и режимом ДНЯО, ссылаясь на «дедушкину оговорку»: он реализует китайско-пакистанские договоренности 1986 г., достигнутые до его вступления в ДНЯО (1992 г.) и ГЯП (2004 г.).

К этому надо добавить, что кооперация между Пекином и Исламабадом предположительно не ограничивается проектами в Чашме. Например, в 1998 г. Пакистан признал существование тяжеловодного реактора мощностью 50 МВт в Хушабе, хотя, по некоторым оценкам, он был введен в эксплуатацию десятью годами ранее при научно-технической помощи Китая¹⁰⁵. Вероятно, этот реактор связан с военной программой Пакистана, о чем косвенно свидетельствует тот факт, что он не находится под гарантиями Международного агентства по атомной энергии.

Приведенные уточнения позволяют видеть, что Пакистан не полностью лишен возможности развивать отношения с другими странами в ядерной области. Он пытается использовать эту возможность. Вероятно, Москва не была бы готова ответить согласием на предложение о сотрудничестве в области мирного атома, если бы Исламабад его официально озвучил, по причинам, связанным с российско-индийскими отношениями, неуверенностью в способности Пакистана защитить российские инвестиции и обеспечить защиту российских специалистов и объектов, на которых они будут находиться. Кроме того, на данном этапе развития пакистано-китайского ядерного сотрудничества Пекин негативно отнесется к появлению конкурента на рынке, который он, видимо, считает своей вотчиной. Ядерное сотрудничество с Пакистаном при посредничестве Китая выглядит сомнительно, поскольку потребует от Пекина и Исламабада большей открытости в области двустороннего ядерного сотрудничества, которое предположительно касается не только гражданских, но и военных технологий.

Эти причины не позволяют согласиться с теми российскими авторами, которые пишут о возможности и перспективности российско-пакистанского ядерного сотрудничества¹⁰⁶. Однако, как справедливо писал в 2006 г. Андрей Алексеев, в области мирного использования атомной энергии «существует возможность искать пути налаживания контактов» между Москвой и Исламабадом¹⁰⁷. Такие контакты, уже регулярно происходящие на официальном и неофициальном уровнях¹⁰⁸, помогают:

- делиться с Исламабадом российскими озабоченностями о вызовах в области ядерной безопасности;
- получать представление о состоянии и перспективах развития атомной энергетики Пакистана;
- обсуждать позиции друг друга по вопросам режима ядерного нераспространения, например, в свете Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях.

При сохранении российско-пакистанского диалога по проблемам атомной энергетики Россия и Пакистан в будущем смогут найти возможности для ядерного сотрудничества. Но, как представляется, в большей степени такие перспективы будут зависеть не от Москвы, а от Исламабада, который должен будет обеспечить благоприятные условия для долгосрочного сотрудничества с Россией, в том числе и в области мирного атома.

Рассмотрение политической и социально-экономической ситуации в Пакистане позволяет предполагать, что, несмотря на стоящие перед этим государством серьезные проблемы, ему не грозят многие из катастрофических сценариев, обсуждающихся в последние годы. Ни развал государства, ни захват власти сторонниками радикальной идеологии, ни даже очередной военный переворот не представляются ближайшими перспективами страны.

Это не означает, что будущее Пакистана не будет омрачено политическими и экономическими кризисами, природными катаклизмами, высокой террористической активностью, межобщинными конфликтами, временной утерей контроля над отдельными районами, которые могут захватить радикалы, пограничными конфликтами с Индией и Афганистаном и другими вызовами внутреннего и внешнего происхождения. Отсутствие ясности в планах США и НАТО относительно Афганистана добавляет неопределенности в прогнозы развития ситуации не только в Афганистане и Пакистане, но и во всем регионе.

В целом внутривнутриполитическая ситуация в Пакистане на нынешнем этапе характеризуется следующими особенностями:

- Несмотря на все политические и экономические кризисы и дефицит доверия среди избирателей, политическая система Пакистана выстояла в течение полного избирательного цикла — впервые в его истории.
- Правительству, сформированному на коалиционной основе, скорее всего придется иметь дело с сильной оппозицией, противостояние с которой будет затруднять реализацию планов социально-экономического развития.
- Вооруженные силы Пакистана продемонстрировали нежелание снова брать власть в свои руки, хотя они готовы приходить на помощь политическому руководству; видимо, прошло время прямого участия военных в управлении страной.
- Опасения развала государства по этнонациональному признаку представляются беспочвенными, так как ни в Пакистане, ни

в соседних странах нет влиятельных сил, в чьих интересах была бы дезинтеграция страны, однако вполне возможно сохранение довольно слабого политического режима при усилении влияния военных, региональных и религиозных сил.

Своеобразие политики Пакистана в отношении Афганистана проявляется в двух противоречивых тенденциях:

- Пакистан, страдающий от негативных последствий афганской проблемы, заинтересован в снижении террористической угрозы для мирных граждан, государственных учреждений, военнослужащих, в нормализации ситуации в приграничных с Афганистаном районах, возвращении беженцев в эту страну. С этой точки зрения Исламабад мог бы играть исключительно конструктивную роль в решении афганской проблемы.
- Однако его интересы, связанные с пуштунским вопросом, стремлением к стратегической глубине, опасениями относительно афганско-индийских связей, обуславливают противоречивость его действий на афганском направлении.

Избавление от этой противоречивости зависит от самого Пакистана. Однако повышение транспарентности в планах и действиях всех стран, имеющих отношение к афганской проблеме, без сомнения, позитивно скажется на позиции Пакистана.

Афганская проблема является одной из тем, которые обеспечивают долгосрочное сближение России и Пакистана. К другим темам, играющим такую же роль, относятся угрозы терроризма, организованной преступности, незаконного производства и оборота наркотиков и проблемы ядерной безопасности и нераспространения.

Рост внимания Москвы к Пакистану заметен на доктринальном, экспертном и практическом уровнях. Ее приоритеты в Южной Азии ясно расставлены: Индия — привилегированный стратегический партнер, Афганистан — близкий сосед, Пакистан — ведущая региональная держава. При этом Россия не выработала региональную стратегию относительно Южной Азии.

Для сбалансированного и стабильного развития отношений России с Пакистаном представляются полезными следующие предложения:

- От декларирования отдельных подходов к странам Южной Азии желательно перейти к выработке комплексной концепции российской политики в этом регионе, частью которой станет политика на пакистанском направлении.
- Необходимо поддерживать интенсивный диалог между гражданскими, военными и экономическими институтами России и Пакистана по проблемам двусторонних и многосторонних отношений (в частности, полезным было бы установление практики

регулярного обмена визитами высших лиц российского и пакистанского государств).

- Для этого диалога надо активно использовать площадки региональных организаций и инициатив включая ШОС, «душанбинскую четверку», возможно, СААРК и др.
- Российская поддержка усилий Пакистана по борьбе с вызовами в области безопасности на своей территории может носить как политический, так и экономический, а также военно-технический характер (с учетом озабоченностей Индии).
- Полезным является более активная информационная политика в Пакистане, включающая оперативное извещение аудитории в этой стране о позициях и планах России в регионе.
- Налаживание постоянного неформального или полужурмального диалога между представителями России и Пакистана окажет положительное влияние на повышение транспарентности и укрепление доверия на двустороннем и многостороннем уровнях.

- 1 *Lieven A. Pakistan: A Hard Country.* — New York: PublicAffairs, 2011. — P. 269.
- 2 В первые годы независимости в Индии была популярна идея, согласно которой Пакистан рассматривался как нежизнеспособное государственное образование, а объединение территорий, входивших в Британскую Индию и княжества, — как событие ближайшего будущего: «Вы должны понять, что раздел произошел так внезапно и люди были плохо информированы в этой связи. Многие думали, что все это временно, что вскоре две страны снова станут одной» (цит. по: *Rahman M., Schendel W. van. 'I Am Not a Refugee': Rethinking Partition Migration // Modern Asian Studies.* — 2003. — July. — Vol. 37. — № 3. — P. 562—563).
- 3 Первая работа о Пакистане была опубликована в СССР еще до того, как это государство появилось на карте мира: *Балабушевич В. В.* К вопросу о Пакистане. — Ташкент, 1943.
- 4 *Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н.* История Пакистана. XX век. — М.: ИВ РАН; Крафт+, 2008; *Belokrenitsky V., Moskalenko V.* A Political History of Pakistan, 1947—2007. — Karachi: Oxford Univ. Press, 2013.
- 5 *Saad Hasan.* Russian Scholar Labels Pakistan a 'Success Story' // *Tribune.* — 2013. — Feb. 16.
- 6 *Mohammad Ayub Khan.* Friends Not Masters: A Political Autobiography. — Islamabad, 2006. — P. 63.
- 7 *Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л.* Южная Азия в мировой политике. — М., 2003. — С. 8.
- 8 Подробно о «кашмирской проблеме» см.: *Шаумян Т. Л.* Кто и почему воюет в Кашмире? — М., 1999; *The Kashmir Imbroglia: Looking Towards the Future / Ed. by Pervaiz Iqbal Cheema, Maqsoodul Hasan Nuri.* — Islamabad, 2005.
- 9 См. по этой теме: *Сотников В. И.* Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях. — М., 2003; *Ядерное противостояние в Южной Азии / Под ред. А. Г. Арбатова, Г. И. Чуфрина.* — М., 2005.
- 10 *Agriculture, value added (% of GDP) / The World Bank // <http://data.worldbank.org/indicator/NV.AGR.TOTL.ZS>.*
- 11 *Table 1.6: Population of Pakistan's Major Cities & Urbanization Rate, 1998, Pakistan / Population Association of Pakistan // <http://www.pap.org.pk/statistics/population.htm#tab1.6>; Urban Population (% of total) / The World Bank // <http://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS>.*
- 12 Эти данные приведены в микроблоге пакистанского журналиста Али Чишти: *akchishti.* May 5, 2013 // <https://twitter.com/akchishti/status/341111111111111111>

tus/331150450340556801; akchishti. May 6, 2013 // <https://twitter.com/akchishti/status/331147163054796801>.

- 13 *Белокреницкий В. Я.* Персоналистский авторитаризм в Пакистане (к вопросу о политической культуре и режиме власти в восточном варианте) // Восток (Oriens). — 2005. — № 6. — С. 74—92.
- 14 *Talbot I.* Divided Cities: Partition and its Aftermath in Lahore and Amritsar, 1947—1957. — Karachi, 2006. — P. XVII. Эти цифры условны, поскольку Индия и Пакистан первые годы не вели учет мигрантов, пересекавших межгосударственную границу. Только в августе 1950 г. было заключено соглашение о контроле миграционных потоков через границу между индийским штатом Западной Бенгалией и Восточной провинцией Пакистана. При этом контроль был установлен только на четырех железнодорожных станциях (*Rahman M., Schendel W. van.* Op. cit. — P. 556, Note 13).
- 15 *Снейт О. Х. К.* Индия и Пакистан: Общая и региональная география с главой о Цейлоне, написанной Б. Х. Фармером / Под общ. ред. А. М. Рябчикова. — М., 1957. — С. 140.
- 16 Это была вторая за XX в. хиджра индийских мусульман. Первая была спровоцирована фетвой мауланы Абдула Бари и мауланы Абула Калама Азада 1920 г., в которой они призвали мусульман покинуть *дар ул-харб* («обитель войны»), т. е. Британскую Индию, и переселиться в *дар ул-ислам* («обитель ислама»), т. е. в Афганистан. Около 60 тыс. человек из Синда, Объединенных провинций и Северо-Западной пограничной провинции направились в Афганистан, который принял только часть переселенцев (нескольким тысячам было отказано во въезде, и им пришлось возвращаться обратно). Хиджра привела к большим жертвам среди переселенцев (*Tejani S.* Re-considering Chronologies of Nationalism and Communalism: The Khilafat Movement in Sind and its Aftermath, 1919—1927 // South Asia Research. — 2007. — Vol. 27 (3). — P. 256).
- 17 См., например, воспоминания Первеза Мушаррафа, президента Пакистана в 2001—2008 гг., о настроениях мусульманских переселенцев: «Пассажиры не теряли надежды на новую жизнь в новом государстве — Пакистане, которое они приобрели в великой борьбе, большими жертвами» (*Musharraf P.* In the Line of Fire: A Memoir. — London, 2006. — P. 11).
- 18 См. мнение Первеза Мушаррафа: «Президент Зия в 1980-х годах завершил то, что начал Бхутто на последнем этапе своего правления, — полное удовлетворение религиозного лобби» (*Musharraf P.* Op. cit. — P. 67).
- 19 *Ahmad M.* Revivalism, Islamization, Sectarianism and Violence in Pakistan // Pakistan: 1997 / Ed. by C. Baxter, C. H. Kennedy. — Oxford, 1998. — P. 103—105.
- 20 Эта особенность характерна не только для Пакистана, но и для других мусульманских стран, в частности Саудовской Аравии, Судана и т. д. (*Беккин Р. И.* Мусульманское право как отражение политико-правовой культуры мусульманского мира // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. — М., 2006. — С. 200).
- 21 Цит. по: *Haqqani H.* Pakistan: Between Mosque and Military. — Washington, 2005. — P. 135.
- 22 *Akkara A.* Churches Welcome Pakistan Promise to Ease Restrictions on Minority Faiths: October coup turns out to be beneficial to Christians as blasphemy laws are overhauled // Christianity Today. — 2000. — 5 May.

- 23 *Khan A. M.* Persecution of the Ahmadiyya Community in Pakistan: An Analysis Under International Law and International Relations // Harvard Human Rights J. — 2003. — Vol. 16. — P. 217.
- 24 *Плешов О. В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. — М., 2003. — С. 191—192.
- 25 *Talbot I.* Pakistan: A Modern History. — London, 2005. — P. 288.
- 26 Shariat Bill // Pakistan & Gulf Economist. — 1991. — May 25—31. — P. 21.
- 27 *Плешов О. В.* Указ. соч. — С. 205, 209.
- 28 Pakistan: Non-Muslim Minorities. April, 1994 / Country Studies — Federal Research Division, Library of Congress // [http://lcweb2.loc.gov/cgi-bin/query/r?-frd/cstdy:@field\(DOCID+pk0061\)](http://lcweb2.loc.gov/cgi-bin/query/r?-frd/cstdy:@field(DOCID+pk0061)).
- 29 Balochistan Data Sheets (Updated till February 10, 2013) / South Asia Terrorism Portal // <http://www.satp.org/satporgrp/countries/pakistan/Balochistan/data/index.htm>.
- 30 *Murtaza Haider.* Time for Shias to Leave Pakistan // Dawn Blog: Despardes. — 2013. — Feb. 17 (<http://dawn.com/2013/02/17/time-for-shias-to-leave-pakistan/>).
- 31 The Hazaras Die Again // Daily Times. — 2013. — Feb. 18.
- 32 Shias Refuse to Bury Dead; Demand Military Takeover // Daily Times. — 2013. — Feb. 18.
- 33 *Malik Irfan.* LJ Leader Malik Ishak Detained in Rahim Yar Khan // Dawn. — 2013. — Feb. 22.
- 34 *Murtaza Haider.* Time for Shias to Leave Pakistan // Dawn Blog: Despardes. — 2013. — Feb. 17 (<http://dawn.com/2013/02/17/time-for-shias-to-leave-pakistan/>).
- 35 *Топычканов П. В.* Пакистан накануне парламентских выборов. 12 февраля 2013 г. / Ин-т Ближнего Востока // <http://www.iimes.ru/?p=16794>.
- 36 См. дискуссию, которую спровоцировал прогноз, сделанный Али Чишти 7 мая 2013 г. на своей странице в социальной сети «Facebook» (https://www.facebook.com/akchishti?hc_location=timeline).
- 37 *Топычканов П.* Former Pakistan President Could Face Treason Charges. April 22, 2013 / Carnegie Moscow Center // <http://www.carnegie.ru/2013/04/22/former-pakistan-president-could-face-treason-charges/g0v0>.
- 38 *Kamna Arora.* Pervez Musharraf: From General to Prisoner. May 7, 2013 // http://zeenews.india.com/exclusive/pervez-musharraf-from-general-to-prisoner_6304.html.
- 39 *Shamim Bano.* Are Alliances Against Mainstream Parties Any Good? // The News Intern. — 2013. — May 6 (<http://www.thenews.com.pk/Todays-News-4-175572-Are-alliances-against-mainstream-parties-any-good>).
- 40 Sensitive Polling Stations. General Elections, 2013 / Election Commission of Pakistan // <http://ecp.gov.pk/Misc/SENSITIVEPOLLINGSTATIONS.pdf>.
- 41 *Zahir Shah Sherazi.* Army Unveils Security Plan for Polls in FATA and KPK // Dawn. — 2013. — May 8 (<http://dawn.com/2013/05/08/army-unveils-security-plan-for-polls-in-fata-and-kpk/>).
- 42 Vote Count Under Way in Pakistan Polls Following High Turnout // Eurasia Rev. — 2013. — May 11 (<http://www.eurasiareview.com/11052013-vote-count-under-way-in-pakistani-polls-following-high-turnout/>).

- 43 ECP Declares Election Security Preparations 'Inadequate' // Dawn. — 2013. — May 13 (<http://dawn.com/2013/05/09/ecp-declares-election-security-preparations-inadequate/>).
- 44 ECP Postpones Elections in Jhal Magsi after Candidate Killed // The Tribune. — 2013. — Apr. 30 (<http://tribune.com.pk/story/542490/ecp-postpones-election-in-jhal-magsi-after-electoral-candidate-killed/>); Candidate among Three Shot Dead in Jhal Magsi // The News Intern. — 2013. — May 1 (<http://www.thenews.com.pk/Todays-News-13-22583-Candidate-among-three-shot-dead-in-Jhal-Magsi>).
- 45 *Mansoor Khan*. Taliban Bullets Kill ANP Candidate, Son in Karachi // The Nation. — 2013. — May 4 (<http://www.nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/national/04-May-2013/taliban-bullets-kill-anp-candidate-son-in-karachi>).
- 46 Taliban Kill MQM Election Candidate in Hyderabad // Dawn. — 2013. — May 11 (<http://dawn.com/2013/04/11/mqms-provincial-assembly-candidate-killed-in-hyderabad/>).
- 47 189 People Killed during Election Campaign // Pakistan Today. — 2013. — May 12 (<http://www.pakistantoday.com.pk/2013/05/11/news/national/189-people-killed-during-election-campaigns/>).
- 48 Илекшн: ташадуд ке вакаат мейн 42 афрад халаак, 200 захми // Аадж ньюс. — 2013. — Май 12 (http://urdu.aaj.tv/national/2013/05/12/129319_2_story.html)
- 49 Election 2013: ECP announces results of 249 National Assembly seats // The News Intern. — 2013. — May 14.
- 50 Annual Report: 2011—2012 (Statistical Supplement). — Islamabad: State Bank of Pakistan, 2013. — P. 87.
- 51 Global Development Finance. External Debt of Developing Countries. 2012. — Washington: The World Bank, 2012. — P. 28.
- 52 Annual Report: 2011—2012. — P. 89.
- 53 *Cordovez D., Harrison Selig S.* Out of Afghanistan: The Inside Story of the Soviet Withdrawal. — New York, 1995. — P. 43—44.
- 54 *Белокреницкий В. Я.* Из Пакистана и Афганистана в Центральную Азию: Пути распространения исламского радикализма // Афганистан в начале XXI века / Отв. ред. В. Г. Коргун. — М., 2004. — С. 101.
- 55 *Rashid A.* Descent Into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia. — New York: Penguin Books, 2009. — P. 9.
- 56 *Козырев Н. И.* Роль дипломатии в разблокировании «афганского узла»: от «Женевы-88» до наших дней. — М., 2010. — С. 32.
- 57 *Rashid A.* Op. cit. — P. 25.
- 58 *Козырев Н. И.* Указ. соч. — С. 69.
- 59 *Musharraf P.* Op. cit. — P. 209—211.
- 60 *Бхутто Б.* Примирение: Ислам, демократия, Запад. — М.: Сабина Пак ЛТД, 2008. — С. 117.
- 61 *Haqqani H.* Pakistan Between Mosque and Military. — Washington, 2005. — P. 240.
- 62 *Rashid A.* Op. cit. — P. 25.
- 63 Pakistan: Agreement on U.S. Drone Attacks Reported; Other Developments // Facts On File News Services. — 2008. — Febr. 28 (<http://www.2facts.com/PrintPage.aspx?PIN=2008451960>).

- 64 Pakistan Drone Statistics Visualized. July 2, 2012 / The Bureau of Investigative Journalism // <http://www.thebureauinvestigates.com/2012/07/02/resources-and-graphs/>.
- 65 Imran Bows Drone at Nawaz // The Nation. — 2013. — May 31.
- 66 Drone Attacks Can Be Stopped Only Through Talks // The News Intern. — 2013. — June 2.
- 67 *Sigamony T. J.* 49,000 Casualties in FATA since 2001, SC Told // The Nation. — 2013. — Mar. 27.
- 68 Interview: Pakistan's 'Existential Threat' Comes from Within. May 6 2009 / Council on Foreign Relations // http://www.cfr.org/pakistan/pakistans-existential-threat-comes-within/p19321?breadcrumb=%20%20%2Fpublication%2Fby_type%2Finterview.
- 69 *Архинов И.* У нас 10000 солдат — это все наши студенты // Рус. Newsweek. — 2007. — 16 июля. — № 29. См. также: *Топычканов П. В.* Красная мечеть требует, угрожает, действует // ИГ-Религии. — 2007. — 20 июня (http://nvo.ng.ru/politic/2007-06-20/6_mechet.html); *Москаленко В. Н., Топычканов П. В.* Пакистан после «Красной мечети». 24 августа 2007 г. / Ин-т Ближнего Востока // <http://www.iimes.ru/?p=6126>.
- 70 *Sigamony T. J.* Op. cit.
- 71 *Sageman M.* The Next Generation of Terror // Foreign Policy. — 2008. — Mar./Apr. — P. 37—42.
- 72 *Walsh D.* Strategic Balochistan becomes a target in war against Taliban // The Guardian. — 2009. — Dec. 21.
- 73 *Chishti A. K.* Quetta Shura is now Karachi Shura // Daily Times. — 2011. — Jan. 20.
- 74 *Белокреницкий В. Я.* Особенности внешнеполитического процесса в современном Пакистане // Ближний Восток и современность: Сб. статей. — Вып. 41. — М., 2010. — С. 182—183.
- 75 *Sigamony T. J.* Op. cit.
- 76 *Ghani R.* Pakistan: New Challenges // Voice of Karachi. — 2010. — Nov. 24.
- 77 *Bari Baloch.* Kharotabad panel for penalizing police, FC // The Nation. — 2011. — July 1.
- 78 FATA Timeline 2009 // <http://www.satp.org/satporgtp/countries/pakistan/Waziristan/timeline/2009.htm>.
- 79 *Iftikhar Firdous.* Outflows from Tirah: Fresh Threats Emerge as Taliban Gain More Ground // The Express Tribune. — 2013. — Mar. 22.
- 80 *Azam Khan.* 2,673 Foreign Students Studying in Pakistani Seminaries: Interior Ministry // The Express Tribune. — 2012. — Sept. 8.
- 81 Govt to Demolish Unregistered Madrassas // The Express Tribune. — 2011. — December 20; akchishti. Jan. 15, 2012 // <https://twitter.com/akchishti/status/158503425066283009>.
- 82 *Мурашов А. З.* Трафик // Герой России. — 2003. — 2 июня (http://www.fsb.ru/fsb/smi/interview/single.html!_print%3Dtrue%26id%3D10342757@fsbSmi.html).
- 83 *Belcher E.* Make the Punishment Fit the Nuclear Crime // Huffpost World. — 2011. — June 17 (http://www.huffingtonpost.com/emma-belcher/make-the-punishment-fit-nuclear-crime_b_878469.html).

- 84 Концепция внешней политики Российской Федерации // <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f!OpenDocument>.
- 85 Концепция внешней политики Российской Федерации // <http://www.kremlin.ru/acts/785>.
- 86 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // http://www.kremlin.ru/ref_notes/424.
- 87 Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года // <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/432569fa003a249cc3256ef4002e5bb4!OpenDocument>.
- 88 *Путин В. В.* Россия и меняющийся мир // Моск. новости. — 2012. — 27 февр. (mn.ru/politics/20120227/312306749.html).
- 89 *Болтенков Д. Е.* Реформирование Военно-морского флота Российской Федерации // *Болтенков Д. Е., Гайдай А. М., Карнаухов А. А. и др.* Новая армия России / Под ред. М. С. Барабанова. — М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2010. — С. 87.
- 90 Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. // http://news.kremlin.ru/ref_notes/461.
- 91 Положение о статусе наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества // <http://www.sectesco.org/RU/show.asp?id=97>.
- 92 Двигатель РД-93 подтвердил высокую надежность // Воен.-пром. курьер. — 2013. — 22 марта (<http://vpk-news.ru/news/15069>).
- 93 *Pant H. V.* Pakistan Thorn in China-India-U.S. Relations // *The Washington Quart.* — Winter. — 2012. — P. 85.
- 94 России нужно предложить выбывшие из индийского истребительного тендера самолеты МиГ-35 Пакистану — эксперт // Перископ.2: новости ОПК и ВТС России. — 2011. — 28 апр. (<http://periscope2.ru/2011/04/28/2850/>).
- 95 Лавров: «Никакого “послания” в отмене визита Путина в Пакистан нет» // http://rus.ruvr.ru/2012_10_04/Lavrov-Nikakogo-poslanija-v-otmene-vizita-Putina-v-Pakistan-net/; *Строкань С.* Владимир Путин на попал в Пакистан // Коммерсантъ. — 2012. — 2 окт. (<http://kommersant.ru/doc/2035084>).
- 96 Международная деятельность / Содружество Независимых Государств. Комитет по делам воинов-интернационалистов при Совете глав правительств государств-участников СНГ // <http://komitet92.com/mejdunar.html>. См. также: *Почтарев А.* Прокляты и забыты? // Независимое воен. обозрение. — 2004. — 13 февр. (http://nvo.ng.ru/wars/2004-02-13/7_afgan.html).
- 97 Без крупных проектов товарооборот между Россией и Пакистаном остается на ничтожно низком уровне — 540 млн долл. (*Моргулов И.* Россия — Пакистан: перспективы взаимодействия // *Междунар. жизнь.* — 2013. — Апр. — С. 4).
- 98 Только в начале 2013 г., спустя шесть лет после этой неудачи, был подписан межправительственный меморандум о сотрудничестве в реконструкции и модернизации Карачинского металлургического завода. Этот документ пока не позволяет говорить о прогрессе в российско-пакистанском сотрудничестве в области металлургии (*Моргулов И.* Указ. соч. — С. 5).
- 99 *Dalton T., Hibbs M., Perkovich G.* A Criteria-Based Approach to Nuclear Cooperation with Pakistan // *Policy Outlook.* — 2011. — June 22 (http://carnegieendowment.org/files/nsg_criteria.pdf).

- 100 Денис Э. С. Есть ли будущее у американо-пакистанского сотрудничества в области атомной энергетики? // Ядерный клуб: Атомная энергетика, ядерное нераспространение, международное сотрудничество. — 2010. — Май-Июнь. — № 3(4). — С. 10.
- 101 См., например, заявление Франка Руджеро, заместителя специального представителя США в Афганистане и Пакистане, сделанное на пресс-конференции 19 октября 2010 г.: «Мы с Пакистаном никак не обсуждаем сотрудничество в области мирного использования атомной энергии» (Deputy Special Representative For Afghanistan And Pakistan Frank Ruggiero On The Upcoming U.S.-Pakistan Strategic Dialogue, Press Release, Oct. 19, 2010 / Islamabad: Embassy of The United States // <http://islamabad.usembassy.gov/pr-10102004.html>).
- 102 В условиях секретности данных контактов высока вероятность ошибочной оценки объемов помощи, оказываемой США Пакистану для повышения ядерной безопасности (Sanger D. E., Broad W. J. U.S. Secretly Aids Pakistan in Guarding Nuclear Arms // The New York Times. — 2007. — Nov. 18).
- 103 O'Hanlon M. E. Improving Afghan War Strategy: Policy Brief. — Washington: Brookings Inst. — 2011. — Feb. — № 180. — P. 5—6 (http://www.brookings.edu/~media/Files/rc/papers/2011/02_afghanistan_ohanlon/02_afghanistan_ohanlon.pdf).
- 104 Fair C. C. Can This Alliance Be Saved? Salvaging the U.S.-Pakistan Relationship // The Time. — 2013. — Apr. 30.
- 105 Hibbs M. U.S. Now Believes Pakistan to use Khushab Plutonium in Bomb Program // Nucleonics Week. — 1998. — July (<http://www.bu.edu/globalbeat/nucwatch/nucwatch071798.html>).
- 106 Володин А. Г. Ядерная программа Пакистана — история и перспективы. 25 января 2010 г. // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1264416540>; Сотников В. И. К вопросу о пакистано-китайской ядерной сделке. 10 июля 2010 г. / Ин-т Ближнего Востока // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/12-07-10b.htm>.
- 107 Алексеев А. Россия и Пакистан имеют общие интересы // Ядер. контроль. — 2006. — № 1 (79). — Т. 12. — С. 84.
- 108 Одному из авторов привелось дважды участвовать в такого рода контактах на экспертном уровне, о чем см.: Possibilities Exists for Pak-Russian Nuclear Cooperation // The News Intern. — 2011. — Oct. 4 (<http://www.thenews.com.pk/Todays-News-6-70819-Possibilities-exist-for-Pak-Russia-nuclear-cooperation>); Pak-Russian Nuclear Dialogue // Daily Times. — 2012. — Apr. 4 (http://www.dailytimes.com.pk/default.asp?page=2012%5C04%5C04%5Cstory_4-4-2012_pg7_21).

Основанный Фондом Карнеги за Международный Мир **Московский Центр Карнеги** начал работу в 1994 г. Эта исследовательская организация объединяет ведущих российских экспертов с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги для изучения коренных проблем российской внутренней политики, экономики и международных отношений и является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни.

Фонд Карнеги за Международный Мир — негосударственная, некоммерческая организация, основными задачами которой является содействовать развитию сотрудничества между странами и улучшению международных отношений. Основанный в 1910 г. Фонд занимается аналитической деятельностью, нацеленной на достижение практических результатов.

Являющийся первой глобальной научно-исследовательской организацией Фонд Карнеги имеет отделения в Китае, на Ближнем Востоке, в России, Европе и Соединенных Штатах Америки. Среди пяти городов, где находятся отделения Фонда, — два ведущих центра мировой политики и три столицы, политическое развитие и международная политика которых в наибольшей степени будут определять возможность обеспечения международного мира и экономического развития на ближайшее будущее.

Фонд Карнеги за Международный Мир
1779 Массачусетс Авеню, NW
г. Вашингтон, 20036, США
Тел.: + 1 202 483 7600
Факс: + 1 202 483 1840
Email: info@CarnegieEndowment.org
www.CarnegieEndowment.org

Московский Центр Карнеги
Россия, 125009, Москва
Тверская ул., д. 16/2
Тел.: + 7 495 935 8904
Факс: + 7 495 935 8906
Email: info@Carnegie.ru
www.Carnegie.ru

СИЛА И СЛАБОСТЬ ПАКИСТАНА

Владимир Москаленко,

Петр Топычканов

Редактор А. Иоффе

Дизайн: Barry&Brom Design Bureau

Дизайнер Я. Красновский

Компьютерная верстка и препресс: Ю. Мосягин

Подписано к печати 08.07.2013.

Формат 70x100 1/16.

Гарнитура ГТС CharterС.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 6,45.

Тираж 300 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва

Тверская ул., д. 16/2

Тел.: + 7 495 935 8904

Факс: + 7 495 935 8906

Email: info@Carnegie.ru

www.Carnegie.ru

Отпечатано в типографии «August Borg»

Россия, 107497, Москва,

Амурская ул., д. 5, стр. 2

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru